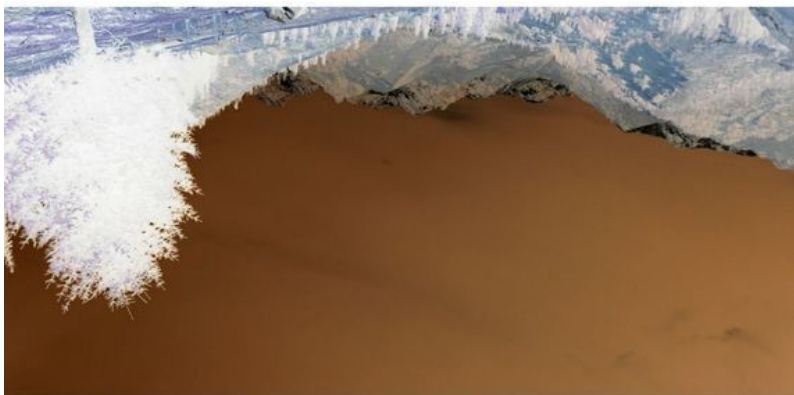

Светлана Гришина

*Четыре кита, или Право
выбора*

Лирико-мистический роман

Светлана Гришина

Четыре кита, или Право выбора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060460

ISBN 978-5-4474-1453-5

Аннотация

Добро и зло, любовь и предательство. Все мы, так или иначе, сталкиваемся с этими понятиями, и не имеет значения время, в котором мы живем, статус, который занимаем, имеет значение только путь, который мы выберем.

Некие силы, в существование которых мы верим, или наличие которых отрицаем, предложили провинциальной девушке подобный выбор. Что поможет ей в принятии решения? Обида, злость, жажда власти? А может быть, любовь?

Содержание

1	5
2	7
3	13
4	21
5	31
6	37
7	43
8	50
9	59
10	66
11	73
12	81
13	87
14	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Четыре кита, или Право выбора Лирико-мистический роман Светлана Гришина

© Светлана Гришина, 2015

© Сергей Цветов, фотографии, 2015

Корректор Сергей Цветов

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Зал был огромен настолько, что стены его, уносящиеся вглубь, сливались в единую линию. По обе их стороны стройными рядами возвышались колонны, изукрашенные диковинными рельефными образами, отражающими все человеческие пороки. Тысячи лиц, изуродованных ненавистью, сморщенных жадностью, искривленных лживостью, раздутых чревоугодием, изведенных похотью, были изготовлены неизвестным мастером так искусно, что казалось, они только и ждут того момента, когда снова смогут вдохнуть воздух и, освободившись от тесноты и присутствия соседей, убежать, куда глаза глядят. Сейчас же все их взгляды устремились в центр зала, где, в вычурном кресле, несколько похожем на трон, восседал человек. Невероятно высокий мужчина мог бы показаться столь же невероятно красивым, если б не его огромные, в пол-лица, черные глаза без зрачков и признаков жизни, взгляд которых не выражал ничего, кроме беспощадного, неумолимого приговора. Человек в кресле повел плечами и встал, отчего физиономии на колоннах вздрогнули и съежились, словно ожидая удара.

— Ну-с, что у нас новенького? — мужчина подошел к стене, минуя колонны, провел по ней рукой и с интересом принялся разглядывать изображения в появившемся окне-иллюминаторе.

– А-а-а-х, – многоголосый вздох облегчения пронесся по залу.

А между тем, перед черными глазами мелькали страны, города, земли, люди. Вдруг человек ткнул пальцем в стекло и изображение зависло.

– А вот это уже интересно.

На экране замерла девочка-первоклашка с испуганным и растерянным лицом.

Город, в котором родилась Анжелика, находился всего в 200-х км от столицы, но пронирующий прогресс 21-го века еще не сунул сюда свой нос. Пятиэтажки тесно соседствовали с деревянными развалюшками, по городу курсировал автобус под номером «1», школы испытывали дефицит старшеклассников, а в местную больницу обращались в основном только мамочки с детьми и пенсионеры.

Мать Анжелики владела искусством врачевания, знала множество заговоров, помогала при родах и звалась в народе «знахаркой», а в свободное от ворожбы время драила коридоры местной больницы. Она не являлась уроженкой этого города, а откуда она приехала и когда, никто не знал. В ее паспорте значилось «Вавилова Анна Иоанновна», но еще с юных лет Анне претило слыть тезкой взбалмошной и жестокой царицы, а потому она предпочитала, чтобы к ней обращались по имени, и только в крайнем случае величали Анной Ивановной. Особо любопытным известно было, что дом, в котором она жила, достался ей в наследство от прабабки. Относились к ней двояко: боялись, презирали, уважали, или просто сторонись, но при первой необходимости бежали к ней, так как народ, даже весьма просвещенный и прогрессивный, никогда не расстанется с первобытным страхом перед потусторонними силами так же, как и с неистребимой

тягой к ним.

Анжелике от матери перешел ее дар и людское отчуждение. Первый ее опыт общения со сверстниками случился ещё в школе. Поначалу дни летели, как обычно, Знакомства, уроки, перемены. Первоклашки не особо задумывались над тем, у кого какие родители, пока мама одного из Ликиных одноклассников не послала мальчишку за знахаркой, потому как его старшая сестра подозрительно занедужила. Обнаружив, что Лика является дочерью «знахарки», мальчишка удивился и задумался, а потом, в школе, спросил:

– Лика, а ты лягушек ешь?

– А зачем? – поинтересовалась девчушка.

– Ну как же, все ведьмы едят лягушек и варят крысиные хвосты. А еще заводят жаб вместо кошек и целуются с ними!

– А я вовсе и не ведьма!

– А вот и ведьма! И твоя мама ведьма!

– А ты дурак!

А ты жаба!

И понеслось. Известно, что дети бывают жестоки. Они плохо понимают, как больно может ранить слово, и уж конечно не отдают себе отчета в том, какое разрушительное действие оказывают систематические издевки на психику маленького человека, ведь все наши мании, фобии и комплексы шлейфом тянутся за нами из нашего нежного детства. Лика оказалась подходящей жертвой для психологической

экзакуции. Она слишком ярко реагировала на оскорбления мальчишки и примкнувших к нему последователей. Ее слезы и слабые ответные выпады забавляли ребят, и они продолжали развлекаться. Неизвестно, как долго бы это тянулось, только однажды вредный одноклассник перестарался:

– А вот и жаба прискакала! – заорал он, едва заметив Лику у дверей школы.

– Жаба, а где твоя метла?

Лица молчала, угрюмо глядя в землю.

– Жаба язык проглотила? Съела за обедом, с крысой перепутала!

Столпившиеся вокруг ребята с любопытством наблюдали за спектаклем. Мальчишка, не дождавшись реплики, толкнул ее в плечо.

– Отвечай, уродина, где твоя метла?

– Отстань, дурак! – воскликнула девочка и толкнула обидчика в ответ.

– Ах, так! – завопил парнишка, и с размаху шлепнул Лику портфелем. От удара красная вязаная шапочка слетела с ее головы и упала прямо в лужу. Зрители смеялись, тыча в нее пальцами. Анжелика неожиданно рассвирепела. То есть не просто разозлилась, а почувствовала ярость. Холодный и злой огонек загорелся в ее груди и с каждым вздохом пылал все ярче. Его ледяные сполохи кололи и обжигали нутро девочки. Она подошла к обидчику вплотную и провела ладошкой по его лицу, выбрасывая энергию сквозь кон-

чики пальцев. Холодный огонь ненависти прорвался сквозь плоть, и Лика почувствовала неизведанное доселе блаженство. Мальчишка стоял не шелохнувшись, а Лика, не глянув более в его сторону, с чувством выполненного долга ушла домой.

Вечером ее маму срочно куда-то вызвали. Вернулась она очень поздно, посадила дочку к себе на колени, прижала к груди и сказала:

– Доченька, я тебя очень прошу, никогда и никому не желай зла. Пожалуйста, детка, запомни, зло, которое ты делаешь, остается с тобой. Оседают на твоих плечиках, как пыль.

Только ее стряхнуть нельзя. А где-то сидит злой волшебник, который хочет, что б пыли этой стало много и тогда он заберет тебя к себе.

– Мама, волшебники бывают только в сказках. Ты же знаешь!

Мать вздохнула и покачала головой:

– К сожалению, не только в сказках. Хочешь на него посмотреть?

Анжелика с интересом кивнула. Она нисколько не поверила маме и теперь ждала что-то вроде фокуса. Женщина вздохнула еще раз, выключила свет и подвела девочку к окну.

За стеклом метались мелкие ноябрьские снежинки. При взгляде на них становилось холодно и неудобно. Лика поежилась, и мама положила руки ей на плечи:

– Смотри внимательно.

Сначала исчезли снежинки, потом растаяла оконная рама, и в глухой темноте показался мужской силуэт. Он приблизился, и Анжелика увидела его лицо. Огромные, как две могильные ямы глаза, уставились на девочку, и ей показалось, что они, разбивая ее тело на атомы, втягивают ее в себя. Малышка почувствовала, что не может пошевелиться, все тело сковал беспощадный страх и девочка потеряла сознание.

Утром мама разбудила ее и отправила в школу, ни словом не напомнив о вчерашнем видении. Экс-предводитель, а ныне – робкий мальчик, сидел за партой и поглядывал на Анжелику одним глазом, в то время как другой его глаз почти полностью закрывало верхнее веко, а нижнее заметно подрагивало. Скоро выяснилось, что парень к тому же стал заикаться. К концу занятий наша маленькая героиня устала от любопытствующих глаз и шепотков в спину.

В маленьком городе слухи распространяются быстро, и где бы теперь не появлялась девочка, взгляды и шепот следовали за ней по пятам, но только смельчаков, желающих обидеть или посмеяться над ней, больше не находилось.

Шло время. Анжелика сторонилась людей, постепенно интерес к ее персоне угас, и история эта забылась. Девочка выросла тихой, ничем не примечательной, но добродушной девушкой, старательно избегающей любых конфликтов и совершенно не умеющей отстаивать свои интересы. Боязнь

причинить кому-либо вред, крепко засела в ее подсознании и сила, живущая в ней, до поры до времени прикрылась вуалью робости.

Понемногу рекламная цивилизация просочилась и в эти места. Появились новые люди, заработала заброшенная и просто чудом не растасканная по кирпичику мебельная фабрика. Местная пекарня превратилась в хлебозавод, и вкусно пахнущие булочки отправились на экспорт. Молодежь, прежде резво уносящаяся в столицу, осела на месте, имея возможность учиться в филиалах столичных институтов.

Когда Анжелике исполнилось 17 лет, ее мама как-то незаметно стояла и умерла, оставив свои чудные книги, пухлые, исписанные тетрадки и старый, добротный дом с мансардой и балконом.

Поначалу девушка хотела уехать, но потом поняла, что не сможет оставить этот дом, балкон, увитый диким виноградом, свой высокий берег, с которого она часто наблюдала за тем, как солнце окунает пышные бока в прохладные воды реки. Деревья, что зимой гнутся под тяжестью зимних одежд, а летом шумят сочной листвой, старые, разбитые улочки. Вся эта маленькая, но родная среда дарила ей ощущение покоя и защищенности от жестокого и неизвестного мира.

Примириться с одиночеством ей помогали книги. За потертыми, особо пахнущими обложками, она находила истории об удивительных людях, смелых и сильных духом, о пре-

красных и преданных женщинах, о бесконечной и верной любви. С их помощью она создала свою философию, свою мораль, к сожалению, уже устаревшую и мало подходящую к темпу наступившего 21 века.

Когда же тоска и грусть просачивались в душу, Лика выходила на балкон и, задрав голову, смотрела в ночное небо. Очень скоро границы реального мира растворялись в небесном просторе, ей начинало казаться, что вокруг нет ничего, кроме сине-черного купола. Мерцание звезд окружало со всех сторон, заслоня сверкающими спинами от земных невзгод. Тело приобретало невесомость, и она кружилась вместе со звездами в их манящем, загадочном вальсе.

Анжелика осталась в городе. При больнице окончила курсы медсестер и некоторым образом продолжила дело своей матери. Красавицей ее нельзя было назвать. Длинные светлые волосы постоянно выбивались из орнамента косы и их приходилось убирать за уши, отчего лицо казалось круглым, а уши торчащими. Зато глаза, яркие, почти синие, напоминали море и переливались золотыми искорками, когда их хозяйка улыбалась.

А город продолжал стремительно развиваться. Появлялись новые суетливые люди, по улицам покатили машины иностранного производства, открывались ресторанчики и кафешки. Нынешний владелец мебельной фабрики, господин Котов, позаботился и о местном здравоохранении. Получив свежие финансовые вливания, больничная админи-

страция решила пополнить штат новыми кадрами.

Старшая медсестра хирургического отделения, умница и красавица Танечка Исаева шла по коридору, сердито цоккая каблучками. У нее сегодня свидание, а еще много дел, да и маляры, очевидно решившие заработать все деньги на свете, совершенно не собираются сворачивать свои работы. Работяги-то местные, а дома хоть и поднадоевший, но муж, так что свидетели не нужны и потому раздражают.

Окончив школу, Таня непременно уехала бы из этой «гнилушки», если б не сосед по подъезду. Митя Исаев, веселый, заводной парень, работал на хлебопекарне водителем, и за его фургоном каждое утро тянулся восхитительный запах свежей выпечки. Играя мускулами, он выгружал лотки с булками, предоставляя возможность кумушкам и тетушкам полюбоваться его атлетической фигурой, которую даже роба скрыть не могла.

Таня заметила, что тоже старается попасть в магазин в часы привоза, и ей это нравилось.

А потом ей нравилось гулять с ним под руку, слушать его задорную болтовню, или нехитрые песни под гитару, и целоваться на скамейке под соседскими окнами.

И вот теперь, 32-х летняя Татьяна, перебирая направления, результаты анализов и прочую макулатуру, раздраженно вздыхала, не понимая, когда и почему ее Митя стал обыкновенным, скучным и серым мужиком. Он обзавелся живо-

тиком, выпирающим над неизменными трико, с оттянутыми коленками, покрытая пылью гитара отчаялась когда-либо покинуть каземат за шкафом, все разговоры велись о работе, деньгах и предполагаемых расходах, друзья, которые раньше часто приходили, сейчас словно вымерли. И если вдруг сама Татьяна засиживалась у подружек, дома ее ждал долгий и нудный разговор или, что еще хуже, обиженное молчание. Прежде семейные дразги могли разогнать нежные и одновременно страстные ночи, а теперь, каким – то непостижимым образом, молодые люди лишили себя этого удовольствия. Митя перестал благодушно реагировать на Танины отказы, когда она бывала не в настроении. Однажды, со злости, Таня уступила, своим безучастным поведением пытаясь дать понять мужу, что занятия сексом без обоюдного желания лишены смысла. Однако Митя намека не понял. Это обстоятельство шокировало Татьяну. В тот раз она промолчала, и ситуация повторилась. Как следствие, искреннее желание спать с мужем, появлялось все реже. Таня молчала, скрипела зубам и чувствовала себя вещью.

Подобное существование наскучило Тане настолько, что порой ей безумно хотелось выбраться из этой семейной трясины, уехать далеко-далеко и начать новую жизнь, но неизвестность пугала, а привычки и устоявшийся быт пудовыми гири висли на ногах, позвякивая цепями и отгоняя «кромольные» мысли.

Скоро Таня нашла выход. Случилось это, как всегда,

неожиданно. Признательный пациент преподнес презент в виде коньяка и конфет. За беседой вечер прошел незаметно и закончился подобающе. Таким образом, молодая женщина выразила свой протест, предпочтя открытые беседы с мужем тайному действию на стороне. Поначалу Таня корила себя, поглядывала на Митю, пытаясь понять, почувствовал ли он измену, но после, найдя-таки повод, оправдала свой поступок, а потом и вовсе вошла во вкус. Из спортивного интереса молодая женщина продолжала заводить интрижки и ничего не значащие романы, свидетелем которых была Анжелика, так как только во время ее дежурства Таня позволяла себе легкий адюльтер. Лишь однажды Лика спросила ее:

– Тань, зачем тебе это? Разве ты не любишь Митю?

Таня разозлилась. В первую очередь на себя, так как сама себе не раз задавала этот вопрос, а затем и на Анжелику, за то, что та заставляет ее озвучить мысль, которую и думать-то не хочется. Таня, защищая себя от себя же, презрительно скривила губы:

– Любишь, не любишь, плюнешь, поцелуешь, – детский сад! Что такое любовь и есть ли она вообще? Ну, скажи, что ЭТО? Физическое влечение? Так оно проходит, общие интересы? Так они меняются. Любви, о которой пишут в книжках – нет. Это утопия, ясно тебе? И не задавай больше глупых вопросов, не твое это дело.

Таня села на стол, за которым сидела Анжелика, оглядела

растерянное девичье лицо и, смягчившись, добавила:

– Послушай, зайка, семейная жизнь – это с одной стороны, обязанности и привычки, с другой – желание удовлетворить личные потребности и фантазии. Если не можешь поиметь их дома, бежишь на сторону, вот и вся философия.

Ли́ка дискутировать не стала. В конце концов, у каждого из нас своя жизнь, и как ее прожить – решать нам самим. Более они эту тему не поднимали.

Анжелика с отсутствующим видом сидела на посту и не сразу среагировала на Танин оклик.

– Эй, ты где? – женская рука маятником взмахнула перед лицом девушки.

– Ой, Тань, привет.

– Виделись. – Таня привычно устроилась на столе. – Когда они смоются, наконец!

– Кто? – Ли́ка встряхнулась и уставилась на Таню.

– Да маляры эти. Работают, аки пчелы. – Татьяна вздохнула, а девушка засмеялась:

– Не переживай, уже собираются. У них же сроки. Кстати, будь осторожней. Сегодня на вахте Нина Тимофеевна, она и у служебного входа прогуливается.

Таня слезла со стола и, обойдя его, села рядом с Ликой.

– Наша милая Фрекен Бок снова на посту. Ну-ну. Бросим тебя на амбразуру.

– Это как?

– Элементарно, Ватсон, спустишься к ней за сахаром.

Анжелика сморщила нос:

У меня есть сахар.

У тебя мало сахара, на всю ночь не хватит. А пока она будет выведывать у тебя последние сплетни и между делом учить жизни, я и открою служебный вход, и закрою, и все будет тип-топ.

Медсестра покачала головой:

– Это жестоко.

– Нормально. Ты молодая и нервы у тебя крепкие, выдержишь.

По коридору, гремя пустыми ведрами, прошли измазанные краской рабочие.

Таня проследила за ними взглядом и задумчиво подперла щеку рукой.

– Интересно, что за человек этот Котов? Вишь, как для города старается. Говорят, он отсюда родом, но я не помню такого. Слушай, – Таня легонько ткнула Анжелику, – а новенькие-то, когда придут?

– Какие новенькие? – удивилась девушка.

Танины серые глаза насмешливо сощурились.

– Я догадывалась, что ты безнадежна, но не до такой же степени. Об этом вся больница гудит. К нам едут спецы из Владимира. Работать у нас будут, понимаешь?

– Здорово. А в какое отделение?

– Так к нам. Хирург, травматолог и парочка практикантов.

Ст. медсестра Таня Исаева встала, и, отправляясь к себе,

добавила:

– А остальные подробности тебе поведает Фрекен Бок. Буквально через 15 минут. О кей?

Лишь только смолк звук Таниных каблучков, на втором этаже хирургического отделения сгустилась тишина. Она мягкой ватой проползла по коридору, заглянула в полупустые палаты, задержалась в дверном проеме сестринской, подползла к столу, за которым все еще сидела Анжелика и, задев щеку девушки мягким боком, устроилась на кушетке у противоположной стены.

Когда-то очень давно равнину, с востока окруженную непроходимым лесом, а с запада – сердитым морем, заселили не совсем обычные люди. Всего несколько семей, долго и целенаправленно искавших друг друга по всему свету, решились вдали от любопытных глаз организовать свое сообщество. Эти люди были последними их тех, кто волею высших сил был наделен способностью творить истинные чудеса и передавать эту способность по наследству. Эти люди скрылись от людских глаз с одной целью – сохранить слова и молитвы, поддерживающие их веру, в первозданном виде, без внесения поправок и искажения смысла подтекстов. Идея, создавшая наш мир, была великолепной! Наверное, планета Земля могла бы стать прекрасным Эдемом, если б не просочившиеся в этот мир силы зла.

Вначале было слово! Первостепенным и самым значимым, было: «Любите!». Лукавый пошел по проторенному пути. Он тоже произнес слова. Нашептав кое-что в уши Адаму и Еве, он посеял в их душах зерна сомнения, а затем мир услышал еще одно слово: «Бойтесь!».

Лукавый тонкий психолог! Бойся – и противоречивый дух человека всколыхнет его сознание и медленно, но верно, закружит в коварном хитросплетении помыслов и действий. К чему они приведут, не ведомо никому, тем паче, самому

человеку.

«Мы должны **БОЯТЬСЯ** и любить...», но, разве боясь, можно любить? Разве можно доверять тому, кого боишься? Соблюдать вечных 10 заповедей не по велению любви, а из опасения быть наказанным можно, но ... до поры, до времени.

Итак, Всевышний основал наш мир и водрузил его на фундаментального кита под названием «**ЛЮБОВЬ**», а его соперник попытался переселить на другого исполина, нареченного «**СТРАХ**». Недолго сомневаясь, к его боку пристроился третий кит «**ВЛАСТЬ**», а рядышком его детеныш – «**ДЕНЬГИ**».

В скрижалях людей, обосновавшихся в холодной долине, не присутствовало слово «страх», а только «любовь» и «вера». И еще. Наряду с прочей мудростью, облаченной в слова, означено там было основное право человека – «личный выбор».

Но сокровищем, коим они обладали, необходимо было делиться, иначе оно теряло свою ценность. Люди эти, время от времени, покидали долину и уходили в «мир». Некоторые не возвращались, иные приводили с собой новичков и неизменный круговорот жизни крутил свое колесо.

Первые из поселенцев, к своему сожалению, вынуждены были признать – от чего они ушли в свое время, к тому и вернулись. Дух мира ворвался и в эти места. Люди пришлые

обладали сильной волей и фанатизмом. Они возомнили себя Совершенными, не только способными решать, что есть добро, что — зло, но и устанавливать свои критерии этих двух понятий. Прежние жизненные принципы они слегка видоизменили. Аборигенов потеснили. Основа подобных действий стара, как мир — кит по имени Власть. Даже минимальная власть над каким-либо индивидуумом возвышает некоторых из нас в собственных глазах, а власть тотальная — затягивает, как трясина. Его величество случай «взгромоздил на престол» особо охочих и проворных, но, как правило, самых бездарных. В их крови не имелось благословения, и если они и могли творить чудеса, то только на уровне балаганного фокусника. Но когда истинных прав на власть у человека нет, он найдет выдуманные, лишь дайте время. Вот тут выплыл кит по имени Страх. Заставь человека бояться, и ты подчинишь его себе. Мы боимся непонимания, отчуждения, одиночества, насмешек, ошибок, боли, страданий, смерти, наконец. Под гнетом страха мы совершаем поступки, принимаем решения. Страх может быть маленьким, совсем ничтожным, наше действие — ничего не значащим, но последствия — глобальными и необратимыми. Новые вожди взяли за библию. Особо не мудрствуя, они подвергли — таки коррекции первоначальные слова Творца, ведь любую библейскую фразу можно трактовать с выгодой для себя, главное — что б язык был хорошо подвешен. Теперь основной принцип существования сообщества заключался в двух понятиях — подчине-

ние наместникам и страх перед гневом Господним за непослушание.

Остались в долине и одаренные люди. Души их предков были чисты, а помыслы праведны, и потому способности, переданные по наследству, не ослабли в них. К сожалению, почти все они были женщинами. Они занимались своими делами, не совали нос в политику, а потому основное население долины, не имея другой альтернативы, приняло правление нескольких мужчин, нарекших себя «старейшинами».

Наблюдая за происходящим и, в силу преклонного возраста, не имея возможности вмешаться, покинул сообщество дед Аниста. Он одним из первых пришел на эту землю и теперь, припрятав древние рукописи, устроился в маленькой пещерке на скалистом берегу. А там, на равнине, осталась его семья и любимая внучка Яла, девушка своенравная и свободолюбивая.

По решению старейшин, мужчины по-прежнему уходили в мир, но теперь цель их экспедиций была иная: во избежание кровосмешения они искали жен на стороне. С ними в долину приходили и другие мужчины, но у женского населения выбор был все же ограничен. Либо иди за местного, либо сиди в девках, либо жди, когда приведут новеньких, если в «большом» мире найдутся желающие уйти в дремучую долину. Яла видела этих новоприбывших, несчастные, уставшие от житейских невзгод люди, не сумевшие удовле-

творить свое честолюбие, не достигшие своих целей, с потухшими глазами и понурыми плечами, которые искали не любви, а покоя и стабильности.

Ялу не устроил ни один из трех вариантов. Дождавшись выхода очередной группы, она скрытно последовала за ними.

Ее не было несколько лет. И вот, однажды утром, она вновь ступила босыми ногами на землю родной долины. По лицу молодой женщины можно было определить, что мир, в который она устремилась, встретил ее не ласково, скорее даже жестоко, но в глазах ее сияла такая сила и страсть, какую зажечь могла только любовь, и такая глубокая боль стояла в этих ярких глазах, какую только любовь могла оставить. Яла молча шла сквозь толпу поселян, с любопытством разглядывающих ее саму и мальчика лет 5, которого она вела за руку. Она шарила глазами по лицам людей, выискивая отца с матерью. Теперь в ее жизни остался только один страх – смогут ли принять ее родители, простят ли за дерзость ислушание. Увидев отца, Яла напряглась, как натянутая тетива. Седой мужчина подошел к дочери и спросил:

– Кто этот мальчик?

Яла опустила голову, глянула на ребенка, вцепившегося ручонками в ее рваную юбку, и деревянным голосом произнесла:

– Это Соло. Твой внук.

Когда же отец поднял мальчонку и, прижав к себе, понес

его к дому, а мать, погладив по руке, поманила за собой, Яла поняла, что беды ее закончились. Она прощена и вновь смогла обрести свой дом. По лицу молодой женщины впервые за последние годы, торопливо обгоняя друг друга, потекли ручейки слез.

На следующий день ее вызвали на совет старейшин, где попеняли за строптивость, вспомнили притчу о заблудшем сыне и постановили: «Господь уже наказал ее за грехи, но он милостив, будем милостивы и мы. Яле позволено будет остаться в долине, но ни она, ни ее сын не должны посещать общественные собрания, они не будут иметь голоса при решении общественных споров и род их на земле долины продолжаться не должен». Будущее Соло стало ясно, как день. Повзрослев, он будет вынужден уйти отсюда, дабы бунтарское семя не пустило корни на этой земле.

– Ну, и зачем же ты ушла, чего добилась? – покачив седой головой, спросил отец, когда после собрания они сидели дома и наблюдали игру огня в печи.

– Ты помнишь, что говорил Аниста? Есть у человека одно неотъемлемое право – право выбора. Мы сами должны выбирать свой путь, следуя законам Божиим и слушая голос совести. Мне стыдиться нечего, я не крала, не убивала и не предала свою веру. Я послушалась не Бога, а людей. А людское правление проходящее, ты и сам это знаешь.

Бог дал мне право и возможность искать свою любовь. Я нашла ее и была счастлива. Очень счастлива. Отец Соло –

достойный человек, ты можешь быть уверен. Я рада, что Со-ло – точная его копия.

Она с нежностью посмотрела в угол комнаты, где на кровати, свернувшись калачиком, посапывал темноволосый мальчик.

– Знаешь, – продолжила Яла после паузы, – если б не Со-ло, меня убили бы так же, как мужа. В то время людские головы срезали, как капустные кочаны.

– То есть? – удивился отец.

– Это удивительный мальчик. Он обладает даром убеждения.

– И в чем же может убедить маленький ребенок? – улыбнулся дед.

И Яла рассказала.

Она бежала всю ночь, прижимая к груди маленькое тело своего испуганного сына. Несколько часов назад, на ее глазах очумевшие от крови люди отсекали голову ее мужа.

Яла уже покинула город и надеялась спрятаться в небольшом леске, когда ее заметила группа из нескольких мужчин. Крадущаяся в темноте женщина была богато одета и вызывала справедливые подозрения. Люди ощерились. Еще одна хочет избежать справедливого возмездия! Догнать, вернуть, казнить саму и ее щенка!

Яла видела преследователей, но силы ее иссякли. Воздух со свистом вырывался из легких при выдохе, и обдирали горло наждаком при вдохе. Шаг, еще и она упала. Поставив ре-

бенка на ноги, Яла задыхаясь, зашептала:

– Беги, Соло, спрячься. Это плохие люди, они не должны тебя поймать, беги!

Маленький ребенок – легкая добыча, но женщина была уверена: она задержит, заморочит, отвлечет этих страшных людей настолько, что они забудут о ее сыне и он сумеет спрятаться. Пусть даже это будет стоить ей жизни.

Яла почувствовала спиной дыхание своих преследователей и ужас объял ее душу оттого, что Соло не двигался с места; как вдруг мальчик, встав перед ними, не спеша развел ручки в стороны. Воздух вокруг стал густым и упругим. Лес ожил, ветви деревьев зашипели, извиваясь. Алчущие крови, подгоняемые звериным инстинктом существа, мало похожие на людей, замерли как изваяния, а змееподобные ветви моментально стреножили их и поползли вверх по скованным от ужаса телам. Переплетаясь друг с другом, царапая людскую кожу, они упорно ползли вверх, к беззащитным шеям.

В изумлении наблюдая эту картину, Яла поднялась с колен. Что происходит? Неужели это дело рук... Соло?

– Остановись, малыш, ты убьешь их!

Ребенок опустил руки, и ветки замерли. Люди в их объятиях тонко поскуливали. Азарт угас, теперь они испытывали лишь одно желание – жить.

– Пойдем, мам, они теперь нас не поймают.

– Ему было тогда только три года. – С гордостью закончи-

ла Яла.

– Что же это, по-твоему? – спросил отец.

Яла не ошиблась. Ее муж действительно был достойным человеком, в противном случае способности мальчика не имели бы столь яркий характер.

– Я не знаю, что это, но создаваемые им образы столь натуральны, что имеют не только запах. Они осязаемы, реальны и ... опасны.

Дни шли своей чередой. Дед с бабкой не могли нарадоваться на внука, а ясные глаза Ялы заволокла черная печаль. Она долго и упрямо шла к дому, имея одну цель – обезопасить мальчика. С его даром невозможно было оставаться там, на чужбине. Ему нужен наставник, мудрый и праведный человек, который поможет способностям Соло течь в правильном русле. И человеком этим может быть только Аниста. Так думала Яла, терпеливо преодолевая свой путь. Теперь, когда волнения по поводу сына улеглись и она уже не переживала о том, что завтра съест ее крошка, что оденет и кто будет рядом с ним, мысли о потерянном счастье заполнили все ее существо. Ее мать видела, как Яла тает день ото дня, и пыталась разогнать ее боль, но любовь слишком сильно горела в душе молодой женщины и, наконец, сожгла ее.

Итак, Яла стала первой из жителей долины, умершей во цвете лет, не являясь больной или раненой.

Совет пришел к единодушному мнению:

Смерть Ялы – плата за ее грех. Наглядный пример для тех, кто самоволен, кто не умерил своей гордыни, кто считает, что может безнаказанно попираť законы, произнесенные от Божьего имени и принятые по Его велению.

Соло рос бойким мальчишкой. Целыми днями он носился по просторам долины, бродил по побережью, тайком от деда спускался в лес и частенько возвращался с добычей. Обучением его занимался Аниста, который, несмотря на возраст, не забыл ничего, из того, что знал. Учение Соло давалось легко и дед верил, что зерна мудрости падают на благодатную почву.

Мало кто мог остаться равнодушным в ответ на белоснежную улыбку Соло, но все же взрослое население долины старалось избегать общения с ним. Зато подростки бегали за парнишкой толпой, ведь где Соло – там сказка. Он рассказывал ребятам удивительные истории о смелых мореходах, путешественниках, прекрасных принцессах. Причем все его повествования были яркими и красочными, представленными в лицах. Ребята кожей чувствовали горячее дыхание пустыни, слышали гул снежных обвалов, смотрели танцы дивных пери. И ни один из них не выдавал взрослым маленькую тайну о том, с кем был и что видел, боясь неминуемого запрета общаться с Соло.

Дольше всех проводила время с молодым «изгоем» дочь одного из старейшин – Миона. Пользуясь тем, что отец все-го себя отдал делам совета, а усилия матери были направлены на реализацию его потребностей, Миона, чуть посветлеет

небо, бежала на окраину, где ее уже ждал Соло. Они взбирались на самый высокий песчаный холм, у подножия которого начинался лес, и ждали, когда первые предвестники восхода покажутся из-за моря и стрелами своими заденут зеленые верхушки.

– Смотри, – говорил Соло держа девушку за руку, – даже солнце радуется твоему приходу. Это для тебя начинается новый день.

Он улыбался и его глаза, наполняясь солнечными лучами, разливали тепло в лицо Мионы.

Она смеялась в ответ:

– Глупости, день начался бы и без меня.

– Наверное, – пожимал плечами Соло, – но это был бы серый день.

Простые слова, но от них сердце Мионы взрывалось воздушными пузырьками, тело становилось легким, как облако и ей казалось, что состояние полета – самое естественное состояние человека. Так они и стояли, держась за руки, пока всего, что можно охватить взглядом не касалась солнечная ладонь, а затем возвращались в долину, ведя за собой новый, свой день. Один на двоих.

Но всему когда-то приходит конец. Отец Мионы, член совета, следящий за нравственностью ее населения, лично подписывающий разрешения на браки, увидел-таки свою дочь в обществе Соло. Молодые люди стояли в амбаре с зерном и с пылкой юношеской страстью целовались, совершенно ни-

чего не слыша вокруг. Да они и не думали, что в этот вечерний час в амбаре кто-то появится. Старейшина и сам не знал, на кой черт он сюда пришел, а может, забыл, как только узнал в распутной девице свою дочь.

Разговоры были недолгими.

– Не смей больше к ней прикасаться, выродок! А с тобой, – это к Мионе, – мы поговорим дома.

Еле дождавшись утра, Соло отправился к дому Мионы, дабы объяснить и попросить ее руки, но к нему никто не вышел. Зато к его деду пришли люди и объяснили, что теперь пребывание Соло в долине неуместно. А если уж ему так нравится здесь жить, пусть не приближается к известному ему дому.

Соло долго не колебался, он принял решение и теперь ждал только случая, чтоб обсудить с Мионей детали.

Наконец, в сумерках, он подкараулил девушку возле ее дома:

– Миона, Боже мой, как я соскучился, – он сжал ее в объятиях и жарко зашептал, – Ты только ничего не бойся, верь мне и все будет хорошо. Никто не сможет нас разлучить, пока мы любим друг друга.

Он целовал ее щеки, глаза, волосы и думал о том, что все худшее – позади и теперь только счастье будет их спутником.

– Я все продумал. Завтра ночью мы уйдем из долины, и никто нас не найдет. Я сумею сделать тебя счастливой. Не в этих краях, так в других, не все ли равно. Ты никогда

не будешь знать нужды и страха, Миона.

Едва только он произнес эти слова, девушка замерла, как соляной столб. Потом отстранилась и, пряча глаза, ответила:

– Соло, прости меня, но я не пойду с тобой. Отец не переживет такого позора. Он меня предупредил, что ты позовешь с собой в бега. Но я не готова на этот шаг. Я дочь своих родителей и не могу их предать. Мы все равно не сможем быть счастливы без их благословения.

– Неужели твой отец может за нас решать, будем мы счастливы, или нет? Я люблю тебя и могу свернуть горы, только прикажи! Я жизнь свою брошу к твоим ногам. Ты не пожалеешь, любовь моя, пойдем со мной!

– Соло! Не мучь меня! – голос Мионы дрожал, а глаза жгло огнем. – Наверное, все дело в том, что я не люблю тебя настолько, чтобы уйти!

Соло стоял не шевелясь и смотрел, как ветер перебирал светлые волосы Мионы, пока она не исчезла из виду. Он не мог ни понять, ни принять подобного ответа, возможно потому, что не слышал беседы Мионы с ее отцом.

– Дочка, – говорил старейшина, – ты не понимаешь, с кем намерена связать свою жизнь. Он бунтарь, не признающий законов. Его мать была такой же, и закончила плохо. Советом старейшин запрещено было продолжаться его роду на нашей земле. Он прекрасно это знает и, как я думаю, предложит тебе бежать. Яблоко от яблони... Но он не любит тебя, у него нет ничего святого, нет родины, нет веры, нет

чести, не известно даже, кто его отец!

– Неправда! Это ты не знаешь его, а я знаю! Он добрый и честный человек! И он очень, очень любит меня.

– Честный человек не позовет девушку в неизвестность, обрекая на гибель! А он – позовет, вот увидишь!

– Пусть! Если ты не дашь нам быть вместе, я уйду с ним!

– И будешь проклята! И дети твои не узнают счастья! Твоя мать умрет от горя, и я не переживу позора. Готова ты бросить к ногам выродка честь нашего рода? Готова ли обречь своих детей на вечное скитание? Не боишься, что прослышешь блудницей и не будет тебе дороги назад? Если так, иди, но я не дам и ломаного гроша за ваши жизни. Вы будете прокляты.

– Но отец, – Миона с мольбой сложила на груди руки, – позволь тогда нам остаться здесь.

Чем провинился Соло перед тобой? Дети не в ответе за своих родителей, так ведь сказано в писании. Господь велел прощать, так будь же и ты великодушен!

Ты не понимаешь! В его жилах течет испорченная кровь. Я не позволю тебе испачкать наш род, связавшись незнамо с кем. Это твоя блажь и она скоро пройдет. Детский каприз, не больше. Если ты будешь упорствовать, я приложу все силы, но этот паршивец в долине не останется. Пусть убирается и встретит свою смерть в большом мире, костлявая не заставит себя ждать, уж поверь мне. Соло уже при рождении грешен, а тебе известно, какова плата за грех. Может, стоит

поторопить его с оплатой?

Всю ночь Соло мерил шагами долину. На рассвете он поднялся на холм. Вошло солнце, но теперь, как ни старалось, не смогло разукрасить новый, совершенно серый день.

Анжелика сидела в больничном коридоре на посту и дочитывала последнюю страницу очередного романа. Как всегда, все закончилось замечательно. «Они жили счастливо и умерли в один день», примерно так. Анжи вздохнула. Как и все девушки ее возраста, она мечтала о любви.

Ее сердце истомилось ожиданием великого чуда, а фантазии не ленились создавать сценки, одну романтичнее другой. Несколько раз ей снился один и тот же сон: она идет по тропинке, протянув руки навстречу юноше, но солнечные лучи бьют ему в спину, освещая контуры его фигуры, и слепя ей глаза. Еще пара шагов, она подойдет ближе и сможет разглядеть его, но, сколько бы Анжелика не шла, расстояние между ними не сокращалось. В том сне она любила его и, просыпаясь, чувствовала горькое разочарование оттого, что так и не сумела приблизиться.

Но это только сон. А что же такое настоящая, реальная любовь, какая она? Должно быть это – фейерверк чувств, сверкающая радуга, невыразимое счастье оттого, что человек, которого ты любишь, держит тебя за руку. И когда он рядом, не может быть ни горя, ни страха, ни пустоты. Все можно преодолеть, когда с твоим сердцем в унисон бьется еще одно сердце. Во всяком случае, в том сне она чувствовала нечто подобное. Лица еще раз вздохнула, захлопнула кни-

гу и поднялась из-за стола. За окном гуляла теплая, весенняя ночь. На стоянке приемного отделения угрюмо таял серый снег, и апрельский ветер трудолюбиво высушивал его слезы.

Тихий стон, донесшийся из мужской палаты, разметал девичьи фантазии. Анжелика оглянулась и прислушалась. Стон повторился. Лика на цыпочках вошла в палату.

На кровати у стены лежал мужик, угодивший по пьяной лавочке под трактор. Перелом левого бедра со смещением, правая голень раздроблена. Ни растяжка, ни гипс ему не помогут, надо вести во Владимир, здесь таких операций пока не делают.

Мужчина открыл зажмуренные глаза и глянул на девушку:

– Что, сестричка, громко я? Не хотел, ей-Богу, но болит, зараза, спасу нет.

Голос у него дрожал, в глубоких морщинах у глаз застряли слезы.

– Ты бы мне укольчик сделала, сестренка. Не могу уже... Анжелика села к нему на край кровати. Она вполне могла бы помочь ему и без «укольчика».

Когда-то мама научила ее снимать боль:

– Представь, что центр боли – черный клубок. Найти его просто, пульсация в этом месте сильнее. От этого клубка идут нити. Прощупай их и верни к центру. Затем сосредоточься, представь, чтожимаешь клубок в ладони и тащи его к ближайшей конечности. Можно вытянуть и через за-

тылок, но это опасней. Когда клубок окажется вне человека, необходимо его быстро нейтрализовать. Представь, что сжигаешь его. Сначала пламя должно быть ярко красным, потом бордовым, дальше оно светлеет и меняет цвет на голубой. Только после этого ты можешь остановиться. Если не сможешь, или не успеешь, боль перетечет к тебе. Пока не будешь уверена в своих силах, не начинай.

Вместо нейтрализации ты можешь переместить боль в особо сложный участок, и тогда человек получит болевой шок.

Уяснив теорию, Лика несколько раз практиковала, но тогда рядом находилась мама, а сейчас подстраховать некому. Лекарство поможет, но ненадолго, а если вмешается Анжелика, мужик сможет спокойно отдохнуть до отправки во Владимир. Ничего сложного в этом нет, все получится. Тем более, лишний раз попрактиковаться не помешает.

Девушка решила. Поставив ладони над переломами, она закрыла глаза и сосредоточилась. Вот они, два источника боли, они не только пульсируют, они острыми иглами пронзают плоть, вырываясь наружу, и также стремительно возвращаются в эпицентр, увеличивая болевые импульсы. А вот и нити, протянутые сквозь тело к мозгу.

Теперь главное – не остановиться и вернуть пронырливых деток к мамочке. Руки Анжелики, пройдясь над телом мужчины, вернулись на исходную. Боль сопротивлялась, остервенело сыпля иглами так, что девушка ладонями ощущала

их уколы. Она осторожно, не торопясь, подтянула упрямые шары к ступням мужчины. Еще одно усилие и оба клубка оказались в ее руках. И тут тело Анжелики словно током пронзило, мозг заволокла черная пелена, и она испугалась, почувствовав, что зажечь огонь не в состоянии. Силы покидали ее, и хотелось только одного – отключиться.

– Эй, не засни там.

Чей-то голос проник извне в мозг.

Если уж взялась за дело, доводи до конца.

Лица, очнувшись, усилием воли заставила себя зажечь огонь. Она смотрела, как красные сполохи обняли клубки, заставляя их морщиться и коржиться в пляске пламени.

Боль не отпускала ее тело до тех пор, пока бордовые языки огня не превратились в голубые, и вскоре сошли на нет. Она расслабленно опустила руки и открыла глаза.

Мужик уже спал, мелкие капли пота испарялись с его лба.

Добравшись до сестринской, Лица тяжело опустилась на кушетку и прислонилась спиной к прохладной стене.

В пустом помещении никого, кроме нее не было, но она кожей чувствовала чье-то присутствие. Надо сказать, подобные странности ее не удивили. В течение последних трех месяцев ее не покидало ощущение, что некто, или нечто, время от времени проявляет к ней интерес. Она слышала шаги у себя в доме, просыпаясь, замечала мелькнувшую тень, кто-то легким движением касался ее волос или щеки. Но вот голосов до сегодняшней ночи слышать не приходилось. По-

добные явления справедливо казались Лика слегка нездоровыми. Как ни странно, она не испытывала страха перед этой неведомой субстанцией, она беспокоилась о своем душевном состоянии. Не являются ли подобные галлюцинации первым признаком помешательства?

Вновь прозвучавший голос заставил ее вздрогнуть:

– Ну, и зачем тебе это надо?

– Кто ты? – на всякий случай оглядев комнату, спросила Лика.

– Невежливо отвечать вопросом на вопрос. Повторяю – зачем ты это сделала?

– Человеку было очень больно, я захотела помочь.

– Глупо. Ты оказала ему лишь временную помощь. Причину его боли ты не устранила, зато сама чуть не пострадала. Если б эта гадость поселилась в тебе, то там бы и осталась.

И жила бы ты, милая девушка, на уколах.

– Спасибо, что помог... помогли.

– Не за что. В следующий раз, прежде чем играть в Айболита, подумай, как следует.

– Хорошо. А теперь, могу я спросить, кто Вы?

– Спросить можешь, а вот ответа не получишь. Не время.

– Я сумасшедшая, да? Вы – это глюки?

– Не беспокойся, с головой у тебя все в порядке. Во всяком случае, так я считал до сегодняшней красочной демонстрации твоей глупости. Если тебе нравится, можешь для удобства называть меня глюком. А сейчас отдыхай. До конца

дежурства еще полно времени.

– А... Вы ко мне надолго?

Раздался короткий смешок:

– Боюсь, что надолго. Но ты не переживай, мы, глюки, в принципе безобидны.

Анжелике ничего не оставалось, как заснуть, надеясь, что проснувшись она не услышит более этого голоса.

Ли́ка работала сутки через двое. Свои выходные она предпочитала проводить дома, но иногда к ней, как и к ее матери, приходили соседи, или знакомые все тех же соседей. Тогда она шла заговорить грыжу, вывих выправить, или избавить от радикулита. Вкупе со скромной оплатой ее награждали последними городскими новостями. Анжелика называла их слухами из испорченного телефона, а потому внимание свое на них не тратила. Известие о том, что ожидаемые специалисты уже прибыли и расселились на временных квартирах, пролетело мимо ее ушей.

Солнечная улыбка осветила утро. Стены Ликиной комнаты с удовольствием приняли тепло нового дня. Девушка подтянула колени к груди и зажмурилась. Как не хочется вставать!

– Просыпайся, проспийшь все самое интересное.

Ну вот, опять.

– Доброе утро, глюк. Я так понимаю, наше общение становится регулярным и неизбежным.

– Правильно понимаешь. Я пришел к тебе навеки поселиться. Шутка.

– Хороши шутки. Выйди. Я буду одеваться. Надеюсь, ты со мной в туалет не ходишь?

– Фи, мадемуазель, за кого вы меня держите. У меня врожденное чувство такта.

– Только на это и надеюсь.

Анжелика села в кровати и посмотрела на дверь. По металлу дверной ручки скакнул солнечный зайчик.

Гардеробщица, вахтерша, больнице – правительница Нина Тимофеевна, призывно замахала руками, как только Лика переступила порог приемного покоя:

– Ступай срочно в кабинет заведующей, там новенькие знакомятся с персоналом. Ольга Владимировна всем велела собраться.

Анжелика терпеть не могла подобные сборища. Но приказ есть приказ. Она белой мышью попыталась проскользнуть в кабинет ЗАВа, но движение было замечено, и громкий голос пригвоздил девушку к месту.

— А вот и Анжелика! Знакомьтесь, коллеги, наша лучшая медсестра. Как говорят наши пациенты, она может вылечить одним своим присутствием.

На медсестру уставилось несколько пар любопытных глаз и щеки ее обрели пунцовую окраску.

— Это я шучу, конечно, — продолжала Ольга Владимировна, — но то, что наши больные очень любят Анжелику, чистая правда. Говорят, рука у нее легкая.

Перестав пялиться в пол, Лика подняла голову. Перед ней стоял высокий статный мужчина 40—45 лет. Рукой с длинными тонкими пальцами он зачесал волосы назад, открывая высокий лоб без морщин, что могло свидетельствовать об отсутствии мук совести и, ослепительно улыбнувшись, представился:

— Виктор Григорьевич, ваш новый хирург. Очень рад, что буду работать в таком приятном коллективе.

Он протянул руку и пожал Ликину ладонь. Как странно, от его прикосновения комарики беспокойства закололи ее пальцы, и ей очень захотелось оказаться от него подальше. А красавец между тем, продолжал наполнять помещение музыкой своего голоса, явно получая от этого удовольствие:

— Надеюсь, мы с вами подружимся. Учитывая, что вы при-

шли последней, позвольте представить вам моих коллег...

Татьяна, наблюдая процесс знакомства новоприбывших с Ликой, недоумевала, отчего этот холеный мужчина, как говорят, классный хирург, рассыпается бисером перед провинциалами. Слишком хорошее воспитание или попытка, незнамо зачем, с первых шагов произвести впечатление?

С ним вместе приехали две девушки-практикантки и совсем молоденький врач-травматолог. Чуть сутуловатый, с крупными чертами лица и насмешливым выражением глаз, он с первого взгляда заинтересовал Лику и заставил ее сердце биться сильнее.

Звали его Алексей Вольцев. Профессора пророчили ему хорошее будущее, и сетовали на чрезмерное легкомыслие, а сокурсники знали как Дон-Жуана, с ловкостью жонглера играющего девичьими сердцами. На втором курсе он успел жениться, а к четвертому – развестись. Он искренне считал, что жизнь – это только игра и не стоит относиться к ней серьезно, а отношения между мужчиной и женщиной могут длиться столько, сколько длится новизна.

Суматоха рабочего дня отпустила к вечеру.

– Лика, прогуляйся со мной в курилку, – попросила Таня, заглянув в сестринскую.

Лика не любила запаха сигарет, но ей, как и Татьяне, не терпелось поделиться впечатлениями, и только в курилке в это время можно было спокойно поговорить, предварительно закрывшись на ключ.

Сизый дым, плавно изгибаясь, выплывал в открытую форточку.

– Ну-с, что ты обо всем этом думаешь?

Таня бросила скорый взгляд на подружку:

– Чего молчишь загадошно? И улыбочка у тебя какая-то нехорошая. Больная улыбочка-то.

– Чего это вдруг, больная? – удивилась Анжелика.

– А тогой-то. Чумная какая-то. Рассказывай, как тебе новенькие? Впечатления от практиканточек мне не интересны, предупреждаю сразу.

Лица хихикнула и покраснела:

– Обычное впечатление, люди как люди.

– Так, а при чем тут розовые щечки и потупленные глазки? Ликусь, я тебя насквозь вижу, а ну, говори, на кого из этих двоих ты запала?

Таня схватила Лику за плечи и затрясла ее.

– Сейчас я устрою тебе допрос с пристрастием, а ну, колись, несчастная!

– Таня, ты из меня всю душу встрясешь! Не убивай, я все скажу!

Таня отпустила Анжелику и, сделав серьезное лицо, взяла новую сигарету.

– И так, этот импозантный мужчина со светскими манерами тебе понравился? Ты считаешь, что нам крупно повезло, что сей дар природы будет трудиться с нами бок о бок?

– Это ты о ком? О Викторе Григориче что ли? По мне, так

и не приехал бы он, мы б не много потеряли. Хотя, может больные от этого и выиграют. Если с тяжелыми переломами их перестанут возить в эдакую даль, это ж хорошо. А вот наши доктора совсем не в восторге. На его фоне их запитые физиономии сильно проигрывают.

– Значит, и тебе он не показался. – Таня задумчиво уставилась в потолок.

– Совсем не показался. – Лика посмотрела туда же, и они вдвоем принялись детально рассматривать каждую его трещинку.

– Н-да. – протянула Таня. Видимо, количество и качество трещин ее разочаровало. – Странно.

– Что именно?

– Да все это. Странно. Зачем ему покидать насиженное место и ехать в нашу милую Тьмутаракань? Непонятно, значит – подозрительно.

Лика махнула рукой,

– Да ладно тебе, мало ли какие у него на то причины. Может, дело в жилье? Я слышала, здесь ему квартиру дадут.

– Ну хорошо, если не В. А., то что?

– Что?

– Ну хорошо, не «что», а «кто»?

– Кто? Что? Тьфу, запутала совсем! Что ты хочешь сказать?

– Кто повлиял на цвет твоих щек? Они у тебя аки маки красны.

Анжелика удивилась. Она надеялась, что Татьяна ничего не заметит.

– Тань, а любовь с первого взгляда бывает?

Ответом ей был кашель поперхнувшейся Татьяны. Отдышавшись, женщина оценивающе посмотрела на Лику:

– Ну, ты даешь! Можешь не продолжать, с тобой все ясно. Зеленые глаза Алексея поразили тебя в самое сердце.

Девушка смущенно отвернулась и поэтому не увидела, как гримаса жалости промелькнула на Танином лице. «Эх ты, мышка серая, не по тебе пирожок-то», можно было прочитать в глазах старшей медсестры. Но, быстренько подкорректировав мимику и добавив материнской нежности в интонации, Таня продолжила:

– Ну ладно, деточка, хватит краснеть. Парень и правда хорош, грех не влюбиться. Да и пора тебе уже, чай не 15 лет-то, пора!

Лику обиженно насупилась:

– Все время ты смеешься. Ничего больше спрашивать не буду. И рассказывать тоже не буду.

Таня хихикнула и обняла девушку за плечи:

– Да не смеюсь я. Я действительно за тебя рада. Только ты не очень торопись выдавать желаемое за действительное. За версту видно, что парень – пройдоха. Это я тебе говорю, как человек с опытом.

Анжелике вдруг стало обидно за Алексея. Это как раз Таня торопится с выводами. Парень с Алешиными глазами ну

никак не может быть пройдохой.

Беспокойство кольнуло Виктора, как только он вошел в подъезд и, по мере продвижения, все более нарастало, трансформируясь в страх. Виктор всунул ключ в замочную скважину, но не нашел в себе сил провернуть его в замке. Устав ждать, ключ провернулся сам, дверь распахнулась и Виктора, словно железяку магнитом, втянуло в квартиру. Дверь захлопнулась как крышка гроба, заставив врача съежиться.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с ужасом и открыть глаза. Что толку бояться, он ведь знал, кого увидит. Впрочем, что эта встреча неизбежна, он тоже знал. Так и есть. У окна стоял человек. Абрис его фигуры на светлом фоне казался вырезанным из бумаги и приклеенным к окну.

– Как прошел первый день? – без предисловий поинтересовалась фигура.

Виктор Григорьевич услышал, как в темноте громко щелкнула его челюсть.

– На... на... хорошо. – Наконец выдавил он из себя.

– Твой испуг слегка меня раздражает. Довольно пустой болтовни. Ты ее видел?

– Да, конечно видел. Очень хорошо видел и даже успел познакомиться, – торопливо заговорил Виктор, а в мозгу ше-

вельнулось удивление, задевшее его еще утром, при встрече с девушкой, чем таким эта неказистая особа могла вызвать к себе интерес?

– Не твое дело, – не иначе прочитав мысли, произнес черный человек, – кабы ты мог отделять ценное от хлама, не стоял бы сейчас передо мной. И местечко для тебя не мною было б заготовлено. Но, если б, да кабы....

Человек театральным жестом простер руку вперед и в сторону.

Стены комнаты странным образом растянулись, и перед глазами врача предстал огромный зал с колоннами, украшенными страшными физиономиями. Они нахально разглядывали Виктора и пошло подмигивали. От этого видения по его телу пробежались подкованные на все лапки мурашки-мутанты. Он зажмурил глаза и потряс головой. Зал исчез.

– Если тебя испугала моя невинная шутка, прошу извинить, – с издевкой в голосе сказал человек, – у нас есть договор, и мы не будем его нарушать? Не так ли?

Виктор кивнул головой. Гость продолжал:

– Повторим задачу. Ты – ее близкий друг. Помогаяешь советом, выручаешь в сложной ситуации, учишь мыслить в верном направлении. Она безоговорочно тебе доверяет.

Все очень просто.

– Да, я понял, но на это потребуется время. И потом, я не уверен... Вдруг у меня не получится?

Виктор не мог видеть лица собеседника, но волну его

недовольства почуял сразу.

– О времени не беспокойся. Время – понятие относительное. Для меня его вовсе не существует. А насчет «не получится». Мой робкий друг, я нисколько не сомневаюсь в твоих способностях. Вспомни хотя бы Леночку.

Черный силуэт медленно таял, и наконец совсем исчез, бросив напоследок фразу:

– Жаль расставаться, мой друг. Я бы погостил еще немного, но, дела, черт их побери.

Вспомни Леночку!

Последние слова шорохом прошелестели по комнате и пылью осыпались в ее углах.

Виктор Григорьевич, как опустошенный мешок, обмяк на пол.

Виктор Осипов родился и вырос в небольшом подмосковном поселке. Судьба с младых лет благоволила ему, наделив незаурядным умом и привлекательностью. Учителя в школе обожали Виктора, школьный химик пророчил ему великое будущее и лишь ему одному безоговорочно доверял свою скромную лабораторию. Мать и старшая сестра отбивались от его назойливых подружек, одолевающих Виктора своим вниманием, а отец гордился сыном, который в каждом интересующем его деле, стремился стать профессионалом. Когда пришло время, Виктор влюбился в одноклассницу. И вот тут его постигло первое разочарование. Ольга (так

звали девушку), не ответила взаимностью. Виктор ушел в армию, а когда вернулся, узнал о предстоящей свадьбе Ольги и его лучшего друга. Ситуация банальная и Виктор постарался отнестись к ней философски.

Он принял активное участие в подготовке к свадьбе, а бесшабашное путешествие на стареньком катере за шампанским, которого не хватило для всех желающих, сохранил в своей памяти, как одно из приятных воспоминаний. Они неслись, как угорелые, в поселок на другой стороне реки, опасаясь, что не успеют к закрытию. На середине реки мотор заглох, жених, находившийся здесь же, не устоял на хмельных ногах и свалился в воду. Парень моментально нахлебался воды и неизвестно, чем бы закончилась свадьба, если б Виктор не втянул его обратно. Экспедиция закончилась благополучно, шампанское текло рекой, и веселью не было предела. Никто не заметил, как Виктор, прихватив бутылку с благородным напитком, покинул собрание. Он сидел на крыльце своего дома, пил из горла, зло утирая слезы, и пытался понять, почему Ольга предпочла ему другого.

Вскоре Виктор уехал в Москву и с первого захода поступил в медицинский. Более всего, как и прежде, его интересовала химия. Он видел красоту химических формул и чувствовал их магическую силу. От лабораторных опытов его отвлекла новая любовь.

Валерия оказалась для Виктора той девушкой, которую, увидев однажды, он уже не мог забыть никогда. Но судь-

ба вновь наступила своей безжалостной ногой на горло его вырисовывающегося счастья. Отцу Валерии не приглянулся потенциальный жених. Нищий студент, ни кола, ни двора. Что он может дать его дочери, рай в шалаше? Девушка согласилась с доводами папаши и уехала к родственникам в северную столицу.

Вновь вернувшись к колбам и препаратам, Виктор не расстался с мечтой приручить своего «единорога». Даже препарировав трупы, он мысленно соединял всевозможные элементы, пытаясь создать эликсир любви. Посвящая этой идее каждую свободную минуту, Виктор получил порошок бледно-розового цвета, состав которого по всем параметрам удовлетворял изобретателя. Не решившись продегустировать его самостоятельно, он подыскал парочку наркоманов, которым было глубоко безразлично что пробовать.

Результаты несколько отличались от ожидаемых. Подопытные не вспыхнули чистой любовью друг к другу, но благодущие и восторг, отразившиеся на их лицах, красноречиво говорили о неземном блаженстве, о мире грез, в котором они оказались. На какое-то время люди чувствовали себя исключительно счастливыми.

Эксперименты продолжались. Охочих до розового порошка становилось все больше. У Виктора появились свободные деньги, что несказанно радовало его и, как ни странно, являлось альтернативой любви. Увеличивающееся количество денежного эквивалента уменьшало коэффициент

его душевного одиночества. Бизнес крепчал, пошли слухи, и Виктор спешно ушел в подполье, потихоньку наводя справки в поисках подходящего покровителя. Кто ищет, тот рано или поздно найдет. Жизненная дорога Виктора пересеклась с молодым, как теперь говорят – предпринимателем, Леонидом Котовым. Этот человек обладал коммерческим чутьем и немалым капиталом. Сразу почуяв золотую жилу, он помог Виктору поставить на поток производство «таблеток счастья», разумеется, по-прежнему тайно. Случилось это во времена зарождающейся демократии и разгула братков-беспредельщиков. Виктор работал в больнице г. Владимира, был уже женат, имел маленькую дочь Оленьку, и снимал комнату. Его жена Тамара обожала и боготворила мужа. Дабы не привлекать к своей персоне лишнего внимания, Виктор открыл счет в Московском банке на имя Тамары, куда и переводил свои сбережения.

Очень скоро Виктор понял, что тихой семейной жизни и однообразных ласк жены ему недостаточно. Как нельзя кстати ему подвернулась молоденькая медсестра, отдаленно напоминавшая Валерию. Из шаткой лодочки лжи он пересел на устойчивый корабль обмана и пустился в дальнейшее плавание. В течение 10 лет ему удавалось скрывать как левую связь, так и тайные накопления, но его величество случай все изменил. Благодаря заботам доброжелателей, Тамара, подозревавшая измену, но не желавшая в нее верить, застала-таки мужа с любовницей. Первая реакция была естественнее

всех остальных – развод. Первый ответ Виктора – согласен, но... Тамара впала в отчаяние. Жизни без мужа она не представляла. Виктор запоздало вспомнил о вкладе на имя жены. Без ее доверенности он не мог снять деньги. Ситуация решилась для Виктора благополучно.

Поздно вечером, когда он в очередной раз корил себя за неосторожность и искал достойный повод для возвращения в семью, ему позвонила дочь. Беспорядочные слова перемежались с рыданиями:

– Папа! В ванной... мама закрылась... скорее... я боюсь, приезжай!

Недолго думая, Виктор сел в машину и через 15 минут уже взламывал дверь в ванную. Отбирая у Томи бритву, он гладил ее по мокрому лицу, целовал руки, проверяя, слава Богу, не тронутые вены и шептал ласковые, такие желанные для ее ушей слова.

Когда Ольга, успокоившись, уже спала, Виктор, выбрав наилучший способ защиты – нападение, объяснялся с Тамарой:

– Ты сама виновата в том, что случилась. Раздула из мухи слона. Ну, сходил мужик разок налево, ну и что? Трагедия! День рождения у коллеги, перебрал немного, тут она и прицепилась. Она уже давно старалась меня окрутить, а ты ей помогла. Я и подумать не мог о разводе, я только одну тебя люблю.

– Но мне сказали, ты давно с ней, – приложив руки к вис-

кам, сказала Тома.

Виктор взвился:

– Кто сказал? Ты будешь верить глупым сплетням завистников, или мне? Да ты знаешь, где я работаю? Это же клоака, террариум, скопище несчастных, одиноких баб, которым чужое счастье поперек горла. Да каждая из них готова придумать что угодно, чтоб только прыгнуть ко мне в постель!

Тома оглядела мужа. Да, с этим не поспоришь. Она постоянно замечала косые, оценивающие взгляды других женщин не ее мужа. С возрастом он стал еще привлекательнее, усы и борода, которые он отпускал на зиму, придавали ему и вовсе царственный вид. Даже дочь, в шутку, называла его Николаем Вторым.

– Но ты легко поддался, – слабо возразила Тома, ликуя в душе, потому что уже поняла – самое страшное позади.

Виктор на колени опустился перед креслом, в котором сидела Тома и, напустив нежности во взгляд, достал из кармана голубую книжечку.

– Посмотри, что я готовил для нас. Для тебя. Я копил эти деньги много лет, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Разве это не является моим доказательством любви?

Зная меркантильность Виктора, Тамара, увидев сумму, изумилась. А когда поняла, что все эти деньги принадлежат ей, впала в ступор. Инцидент был исчерпан. Более они к этой теме не возвращались, но Тома, удостоверившись в слабой стороне мужа, приняла необходимые меры предосторожно-

СТИ.

Свежий морской ветер растормошил прибрежный песок, поднял песчинки в воздух, закружил их в причудливом танце и понес с собой, разбрасывая по пути над каменистыми холмами, тянущимися вдоль берега, над засеянными пшеницей полями. Дыхнул песком в лица поселенцев, живущих в долине, рассыпал горсть на крыльце Мионы, и, разметав остатки над макушками деревьев, в гордом одиночестве понесся дальше. Миона приподняла тяжелые веки и посмотрела в окно. Если бы она только могла, то, подобно мелким песчинкам, составила бы ветру компанию. Но за последние несколько дней она ослабла настолько, что была не в состоянии пройти и пары шагов. Ее мать, судорожно вздохнув, подошла к старейшине и горячо зашептала ему в лицо:

– Муж мой, прошу, опомнись! Посмотри на свою дочь, своим упорством ты губишь ее.

– Я сделал все что мог, лучшие знахари долины осмотрели ее и не нашли причины, вызвавшей столь внезапной болезни.

Мать в отчаянии взмахнула руками.

– Зачем нужны знахари, если причина лежит на ладони! Ты не хуже меня знаешь, кто может ее вылечить! Позови Соло! Не препятствуй детям! Твой запрет убьет ее!

Старейшина отвернулся от жены и твердо произнес:

– Ты глупости говоришь. Ее болезнь никак не связана

с отсутствием этого... Соло. Она прекрасно сможет прожить и без вашей дурацкой любви. Вот увидишь, Миона скоро поправится. Если же ей не суждено выздороветь, знать на то — Божья воля.

И, не желая смотреть на заплаканное лицо женщины, старейшина вышел из дома.

Только одному ему была понятна причина, по которой он так упорно не желал отменить свое распоряжение.

Он боялся. Дико боялся, что, наблюдая каждый день счастье дочери, больше не сможет сдерживать рвущиеся наружу чувства. Старейшина был трусом. Только из-за трусости он в свое время не отправился за лес на поиски жены. Из бесед вернувшихся мужчин, он имел представление о жизни за пределами долины. Смерть и боль подстерегали там на каждом шагу. Синица в руке лучше, решил он, и женился на местной девушке. Она была из рода тех, первых и весьма ему подходила.

Не сосчитать, сколько раз он жалел об этом поступке. Ему не нравился ее запах, ему не хотелось спать с ней. Каких невероятных усилий стоило ему исполнение супружеских обязанностей. Он стал засматриваться на девушек, и от этих шальных мыслей кружилась голова. Но он не смел, он свято верил в наказание и боялся греха. Очень скоро он вошел в совет старейшин, и даже намек на мысль о другой женщине приводил его в ужас. Как можно заведовать нравственностью и безнравственно мечтать о прелюбодеянии? Когда ро-

дилась Миона, в долину вернулась Яла. При первом взгляде на женщину, старейшина пропал. Он думал о ней ежеминутно, нарекая исчадием ада, распутницей, греховодницей, он ненавидел и желал ее. А она, при встречах, смотрела сквозь него, не замечала. Отвлекаясь на общинные дела, он топил желание в недрах своей души, но чем беспощаднее он уничижал его, тем яростнее похоть бесновалась, иссушая его сердце. Он искал ее взгляда, но она отворачивалась, он ждал ее слова, но она молчала.

Смерть Ялы забрала с собой и его мучения и его живую душу. Он ненавидел влюбленные пары, любыми путями откладывал венчание, и с удовольствием наблюдал досаду в их глазах. Старейшина не был злым человеком, просто, не познав взаимной любви, он чувствовал себя обездоленным, и созерцание чужого счастья причиняло ему нестерпимую боль.

Зато теперь он может отомстить Яле. Пусть Соло, ее плоть и кровь, мучается так же, как он когда-то. В том, что Миона и Соло полюбили друг друга, он видел Божий знак, намек на возмездие. И даже если Миона пострадает, старейшина не отступит. Никогда.

Соло ушел из селения, но не настолько далеко, как того желал отец Мионы.

В сырой, но уютной пещере Анисты он всецело посвятил себя своему горю. Юноша целые дни проводил на побере-

жье, сидел на влажном песке и наблюдал, как ленивые волны выгибают мокрые спины. Тоска-пиранья грызла его сердце, а обида стальным обручем стянула ноги, лишая желания двигаться.

Аниста, не выдержав, завел с парнем разговор:

– Тебе должно быть известно, уныние – грех. Взбодрись, мальчик мой. Что толку в твоём созерцании волн? Ждешь, что они выкинут на берег идею, которая решит твои проблемы?

Пересыпая камешки из ладони в ладонь, парень нехотя ответил:

– Жду, когда тоска уйдет.

– Ну что ж, достойное мужчины занятие.

Соло усмехнулся и загреб новую порцию камней. Дед, проследив за его манипуляциями, продолжил:

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Дед стар, ему легко насмехаться над чужой бедой. Он уже давно забыл, что такое любовь. Ему не понять молодого сердца. И все же, послушай, что скажу. Если ты уверен в ее нелюбви к тебе, отпусти помыслы о ней, развей их по ветру и оставь себе только приятные воспоминания. Возможно, Господь подарит тебе счастье полюбить снова. Но если у тебя есть сомнения, если ты считаешь, что слова, ею произнесенные, не ею придуманы, ты должен пойти в долину и поговорить с ней еще раз. Не беспокойся за свою гордость. Нет ничего постыдного в искренней любви.

– Но что толку в разговорах. Ее отец ясно дал понять, что у нас нет будущего. Да и сама она сказала, что не любит...

Дед поднялся с камня, на котором сидел:

– Миона не из тех девушек, что любя сегодня, на завтра забывают. Послушай, что говорит твое сердце. И еще одно. Бог не дал человеку властвовать над другими, ведь даже направление пути своего не во власти смертного.

Юноша, по обыкновению, сидел у воды. День подходил к концу, и солнце красным вином разлилось над морем.

– Соло! – вдруг услышал он и обернулся. На краю холма стояла женщина и махала ему рукой, – Иди сюда, Соло!

Соло с удивлением узнал мать Мионы. Он на одном дыхании взлетел на холм:

– Что случилось?

– Пойдем со мной, его нет дома, он ушел и не скоро вернется. Скорее, Соло, прошу!

Женщина говорила на ходу, крепко держа парня за руку и ведя его за собой.

– Миона заболела. Она не просыпается уже третий день. Никто не понимает, что с ней.

Хрупкие женские руки с нечеловеческой силой вцепились в плечи Соло:

– Я знаю, только ты сможешь спасти ее. Только ты! Я пробовала, но мы не можем помогать кровным родственникам! Соло, верни мне мою дочь, верни.

Ее ноги подкосились и, под гнетом отчаяния, женщина

рухнула на колени.

– Иди скорее, мальчик, прошу тебя.

Когда Соло взошел на знакомое крыльцо, солнце окончательно уступило небосвод луне и та, бесстыдно заглядывая в окна, освещала кровать с лежащей на ней девушкой.

Соло поразила ее резкая худоба и смертельная бледность. Под прозрачной кожей отчетливо проступали голубые нити вен, и лишь по слабому подрагиванию пульса на висках можно было догадаться, что жизнь еще держится в этом хрупком теле.

Соло шепотом позвал ее. Потом громче. Еще громче! Нет ответа. Он хватал ее за щеки, за плечи, за руки и звал, звал.

– Господи, да что же это?

Соло склонился над телом девушки и заскрежетал зубами.

– Как это неправильно. Как глупо и жестоко! Но я что-нибудь придумаю, девочка моя, ты потерпи немного. Все будет хорошо, Миона, ты обязательно поправишься.

Юноша вдруг вспомнил о несчастной матери, что вот-вот войдет в дом, в надежде вновь увидеть дочь здоровой. Надо срочно бежать к деду, он знает, что делать.

– Я скоро вернусь, – сказал Соло, оставляя на губах Мионы поцелуй.

– Прости, но я ничем не смогу вам помочь, – сказал дед, как только Соло обратился к нему, – боюсь, время упущено.

Отчаяние брызнуло из глаз правнука и резануло де-

да по сердцу. Старыми морщинистыми руками он провел по взлохмаченным волосам Соло.

– Проси Господа. Обратись к нему с открытым сердцем, ни минуты не сомневайся, и тогда он услышит тебя.

– Но почему, скажи мне, почему он так жесток? Зачем хочет забрать ее? За что наказывает?

– Он? Соло, разве это Он так жесток? Прошу тебя еще раз, ни минуты не сомневайся.

А теперь иди. Не стоит терять время.

Чуть только выдавалась свободная минутка, Анжи, не в силах сдержать эмоций, рвущихся наружу, находила Татьяну и «висла у нее на ушах». Центральной фигурой ее повествования являлся Алеша. Анжелика, мечтавшая о любви, нашла, наконец, предмет для обожания, и Татьяна стала невольным наблюдателем зарождающегося романа.

С появлением в больнице новых людей, стали происходить странные вещи, которые прямо-таки изумляли ст. медсестру.

«Мир сошел с ума», с некоторой досадой думала она. И кто бы с ней не согласился, видя, как красавец – мужчина Виктор Григорич, вьется вокруг совершенно несимпатичной, без намека на изюминку, девушки, а она, едва завидев, бежит от него, как черт от ладана. Когда же ей это не удастся, она односложно отвечает на вопросы и хмуро рассматривает свои башмаки, так что мирная беседа врача с медсестрой со стороны напоминала допрос партизана немецким офицером. Еще больше угля в костер удивления подсыпала Нина Тимофеевна, в доверительной беседе сообщив Тане, что хирург дежурит у входа, дабы иметь возможность первым пожелать Анжелике доброго утра.

Сама не заметив как, Таня стала оказывать Виктору откровенные знаки внимания, очевидно, исключительно из со-

страдания к ближнему, вызывая огонь на себя.

Следующие события ошеломили Таню: компанию Виктору составил Алексей. Не обращавший прежде никакого внимания на Анжи, предпочитая проводить время в компании практиканток, Алеша, словно прозрев однажды, не упускал более Лику из виду. Знаки его расположения были скромны и лишены изыска, но девушка от каждой подаренной конфеты приходила в такой восторг, точно ей преподнесли бриллиант каратов в 12, что весьма умиляло парня.

Подобное положение дел не могло оставить Таню равнодушной. Ее недоумение меняло ипостаси, перерождаясь в раздражение, а после, в откровенную злость.

«Так, так, – думала Таня, – не иначе как наша мышка серая приворотное зелье состряпала, ну да мы своими силами справимся. Поиграем еще».

Голос Анжелики пробивался сквозь Танины мысли, как сквозь толстый слой ваты:

– Представляешь, мы вчера вечером встретились в магазине, и он проводил меня до дома. Тань, а я ведь даже и не представляла, насколько это здорово!

– Что здорово? – не сразу поняла Татьяна.

– Ну, все это – гулять с ним по городу, разговаривать, смотреть на него. А когда он взял меня за руку, знаешь, у меня аж мурашки по всему телу пробежались. Он такой, такой, – Лика сладко зажмурилась и вздохнула.

– Ну да, знаю. Поцелуй при луне, песни под гитару. Он

тебе уже играл на гитаре, нет?

Жаль, было бы еще «здоровее».

Анжелика не заметила сарказма, укутавшись в вуаль своей влюбленности, и продолжала:

– Лешка такой славный, веселый, оказывается, он ужасный спорщик, он рассказывал смешные истории, какие пари он заключал и как выигрывал эти пари...

Слушая Анжелику, Таня живо представила Митю. Он тоже был веселым и милым, а теперь стал угрюмым, неинтересным. Они все меньше разговаривали, предпочитая каждый заниматься своим делом. Таня возилась с домашними делами, или читала, а Митя проводил вечера перед телевизором, сидя в кресле с бутылочкой пива. Таня терпеть не могла пивного запаха, и считала, что Митя нарочно его пьет, с целью ей досадить. Но она молчала, из вредности, не желая опускаться до претензий, обид и выяснения отношений. Продолжая собственную мысль, Таня, не дослушав Анжелику, со злостью выпалила:

– Все они сначала милые и славные, И нет больше радости, чем гулять с ним, держась за руки. Только потом куда все девается? Я, как ты сейчас от Лешки, балдела от собственного мужа, и, хоть убей, не пойму, откуда берется скука и раздражение и почему уходит эта пресловутая любовь. И ты тоже, к сожалению, потом начнешь удивляться, «откуда что берется» и «куда девается»!

Вникая в резкий и злой голос подружки, Лика вспоми-

нала вереницу ее, Татьяны, поклонников, какое-то грустное и отчужденное лицо ее мужа, и то безразличие, с которым Таня воспринимала собственное, мягко говоря, легкомыслие. И тут же вспомнился салют чувств, который каждый раз взрывался в ее душе при встрече с Алексеем.

– Прости, Таня, – Анжелика встала с места, – но я прошу тебя не сравнивать. Все люди разные, и у нас с Лешей совсем другие отношения. Надеюсь, у меня никогда не будет так, как у тебя. Я несколько иначе оцениваю любовь.

Танины глаза вспыхнули злым огоньком. Ах, вот как заговорила наша мышка! Я, от доброты сердечной, решила провести экскурс Лика во взрослую жизнь, дабы уберечь от разочарований, а она вместо «спасибо», намекает на то, что я – дрянь?

– Как скажешь, подружка. – Без эмоций ответила Таня, но механизм отмщения уже был запущен.

Анжелика шла на свой пост, несколько обескураженная состоявшимся разговором. Она не понимала, как при всей своей сдержанности все же умудрилась обидеть Таню. От этих мыслей становилось неловко и грустно, тянуло вернуться к подружке, объяснить, поговорить, но радужные думы бабочками порхали в ее голове и вскоре смахнули оставшийся от беседы неприятный осадок. Жаль только, что теперь ей не кому будет рассказать о том, что захватило все ее существо.

Они стояли у дверей Ликиного дома, Алеша держал ее

за руку, и Лике хотелось, что б этот миг был бесконечен.

– А что ты делаешь 30-го? – спросил Алексей, водя пальцем по мягкой девичьей ладони.

– 30-го мая? – растерялась Лика.

– Ну, естественно, – засмеялся парень, – что я буду делать 30-го следующего месяца, я и сам не знаю.

– А-а. Так я дежурю. Я же сутки через двое.

– Так это ж здорово. Я как раз и собирался отметить свой день рождения в кругу коллег. Собрать всех в ординаторской и тихо-мирно посидеть. А то приглашать особо некуда, я комнату пока снимаю, там соседи и все такое.

– У тебя день рождения? – спохватилась Анжелика, – уже так скоро, послезавтра!

– Точно. А что тебя так расстроило? – Леша сильнее сжал ее пальцы и чуть придвинулся. Лика покраснела и убрала руку.

– Но, я не успею приготовить подарок.

Лешку позабавило и раззадорило ее смущение. Щеки девушки жарко пылали и влекли к себе, и он, следуя их зову, приблизился к Лике вплотную.

– Для меня не будет лучшего подарка, чем твое присутствие.

Его дыхание скользило по ее щекам и шее, и от этого у Анжелики слегка кружилась голова.

А Лешка, продолжая что-то шептать, касался губами ее уха, мягко и настойчиво прижимая девушку к груди. Он

ожидал от Лики немного другой реакции. В худшем случае, оплеухи, в лучшем – ее стремительный побег. Она застыла на месте, мышцы спины были напряжены, но девушка не собиралась убегать, и это радовало. Значит, окрутить Лики не так уж тяжело, как говорили. Лешка перестал об этом думать и с головой ушел в дело.

Обязанность произносить слова раздражала его. И кто придумал, что эти пустые, ничего не значащие звуки при данных обстоятельствах необходимы? Люди и без слов прекрасно могут понимать ситуацию, и, отдавая дань формальностям, они лишь попусту тратят время.

Оставив в покое ухо, он потерся щекой о ее щеку, задел носом ее нос и легко поцеловал в губы.

У Лики дух захватило. В свои 19 лет она еще ни разу не целовалась! Она закрыла глаза, пытаясь не упустить ни одного ощущения, вобрать в себя все звуки и запахи, чтобы сохранить в памяти прелесть первого поцелуя.

Лешку подстегивал спортивный интерес. Разогреть девушку, у которой до него явно никого не было, доставляло ему истинное блаженство. Он рывком прижал ее еще крепче. Лика сдавленно охнула, но снова не оттолкнула, она уже втянулась в происходящее действо и, спустя недолгое время, смогла полноценно повторить процедуру поцелуя самостоятельно. «Способная девочка», – думал Лешка, – «она может оказаться „горячей штучкой“». Контролировать себя становилось все труднее, но Лешка понимал: торопиться нельзя,

надо растянуть удовольствие, оставляя самое главное на десерт.

Он рассмеялся. Анжелика отпрянула и испуганно заглянула ему в глаза:

– Что случилось? Я делаю что – то не так?

– Нет, что ты. Все так. – Он ласково погладил ее светлые волосы и убрал выбившуюся прядь за розовое ушко, – Просто я уже очень давно не стоял в подъезде, целуясь с девушкой, как школьник.

– Это плохо? – шепотом спросила Лика и в ее глазах заплясали золотые искорки.

– Это замечательно, – так же шепотом ответил Алексей. – Иди, поздно уже. Встретимся 30-го.

Войдя в дом и плюхнувшись на диван, Лика мечтательно протянула:

– До 30-го еще так долго. Как ты думаешь, глюк, время быстро пролетит?

А что потом, после? Вообще то, мы могли бы встретиться и завтра. Но, может у него дела? Я уже соскучилась. Как он мне нравится, глюк, ты не представляешь! Неужели это происходит со мной на самом деле! Где ты, глюк, поговори со мной!

Ответа она не получила. С тех пор, как в ее голове прочно засели думы об Алексее, «глюк» перестал общаться с девушкой. Наверное, обиделся.

Соло, стоя на коленях, смотрел на хмурое, темное небо. С моря дул холодный ветер, и волны, сердясь и беснуясь, с рокотом бросались на берег.

Он просил у небесных жителей помощи, спасения для Мионы, но в голове Соло то и дело вспыхивали гневные мысли-сполохи: в чем виновата девушка? За что ее наказывают? Почему отбирают молодую жизнь? Почему Он не карает ее отца, который разлучил любящие сердца и заставляет их страдать? Чего Он добивается? Нужна очередная жертва для доказательства очередного постулата? Как сказал Аниста: «Человек правит человеком во вред ему»? Но разве может дочь послушаться своего отца?

– Господи, чего же ты хочешь? – в отчаянии закричал Соло и, согнувшись, ткнулся лбом об каменистую почву.

– Он всенепременно ответил бы тебе, юноша, да боюсь, занят очень.

Перед Соло, почти сливаясь с темнотой неба, стоял человек в черном плаще.

– Кто Вы? – спросил Соло, принимая вертикальное положение.

– Я тот единственный, кто в состоянии помочь твоему горю.

Юноша открыл было рот для следующего вопроса, но че-

ловек поднял руку, призывая к молчанию:

– Я наблюдал за тем, как ты пытаешься разбить лоб о камни, но не усмотрел в этом занятии никакого смысла. Сдается мне, друг мой, твои мольбы основаны не на вере, а на пресловутом «авось». Но, я не столь высокомерен, как мой, хм, близкий родственник, и потому готов оказать тебе услугу.

До сознания Соло вдруг наконец дошло, кто стоит перед ним. Он резко поднялся с колен и тут же вновь сел на землю:

– Ты? – только и смог выдохнуть юноша.

– Милый мальчик, – человек в плаще игриво покачал головой. – Если твои прекрасные глаза выскочат из орбит, ты уже не будешь столь хорош, и я могу передумать.

Соло зажмурился, потряс головой, вновь открыл глаза и... никого перед собой не увидел.

Вздых облегчения вырвался из его груди, но в ту же секунду горькое разочарование и досада охватили его. Бред, показалось. Ах, если б это действительно было возможно.

– А кто смеет утверждать обратное?

Слева от парня снова раздался голос. Черный человек стоял рядом и, усмехаясь, разглядывал юношу.

Быстро справившись с удивлением Соло поднялся на ноги и, дерзко глядя в глаза «незнакомцу», сказал:

– Я готов принять твою помощь, но что ты хочешь взамен? Мужчина улыбнулся и устало прикрыл глаза рукой.

– Да, увы, я далеко не альтруист и не помогаю безвозмездно. – Пальцы, прикрывавшие глаза, раздвинулись, и черное

око воззрилось на юношу.

– Есть у нас одна семейная черта – мы любим жертвы. Жизнь за жизнь.

– А я должен умереть за нее? – торопливо заговорил Соло, – Согласен. Приступай, не мешкая.

– О, не надо понимать мои слова столь драматично, я не собираюсь тебя умерщвлять. Ты останешься при своей плоти и крови, только твоя жизнь и все твои помыслы должны будут послужить мне.

– Как это?

– Очень просто, – слегка раздражаясь непонятливости Соло сказал господин в плаще. – Ты навсегда уйдешь из этих мест, будешь находиться рядом со мной и выполнять мои поручения и прихоти. Зато твоя Миона поправится, выйдет замуж, нарожает кучу розовеньких деток и будет счастлива.

Соло задумался. Мысль о смерти не пугала его, но остаться живым, помнить Миону и не иметь возможности видеть ее, говорить с ней, казалось невыносимым.

– Твои сомнения мне понятны. Подобное расставание кажется вариантом худшим, нежели сама смерть. Но ты не представляешь, что можешь обрести, – голос господина перешел на свистящий шепот, – несметное число красивейших женщин, феноменальные возможности и абсолютную безнаказанность. К тому же, не обещаю тебе жизнь вечную, но продлить твою на оч-ч-чень длительный срок – смогу.

Соло захотелось взвыть от отчаяния. Абсолютная безна-

казанность, красивейшие женщины! Ему очень хорошо было известно, чем придется платить за эти сомнительные удовольствия.

– А вот тут ты не прав. Ты не будешь расплачиваться за службу мне, ты расплатишься службой за оказанную услугу. Возможно, ты даже сможешь уйти.

– Когда?

– Не спеши. Может статься, тебе и не захочется. Ну, так что? Время идет, а воскрешением из мертвых я не занимаюсь.

Соло с трудом проглотил комок в горле.

– Хорошо. Я согласен, только...

– Разумеется, – опять прервал господин, – ты согласишься на нее. Но только один раз.

Юноша обреченно кивнул головой.

Не говоря более ни слова, человек в черном плаще поднял руку и коснулся пальцами лба Соло. Свет померк в его глазах.

Сколько времени прошло с тех пор Соло не хотел знать. Как и было обещано, он смог заглянуть в окно – иллюминатор, находящееся в апартаментах его господина. Миона сидела на траве, в окружении луговых цветов, и ее волосы, пронизанные солнечными лучами, ореолом обрамляли склоненную головку. К ней, держа за руку маленькую девочку, шел мужчина. Прикрывая ладонью глаза от солнца, Миона улыбалась им.

Соло отвернулся. «Деревенская идиллия», – зло подумал он. Все именно так, как было обещано. Она жива, здорова и, очевидно, счастлива, только почему же так хочется треснуть кулаком по этому глупому стеклу? Почему вид довольной жизнью женщины так раздражает, что сводит скулы?

Молодой человек вдохнул воздух полной грудью и с шипением выдохнул. Пора учиться владеть эмоциями. Тем более – теперь. Вся эта мирская суeta не может волновать человека, который, волею своего господина, презрел все возможные законы физики и может летать по воздуху, словно птица, или по первому своему желанию растворяться в пространстве, словно дым. Он гордо поднял голову и ушел не оглядываясь, и потому не видел выражения лица Мионы, когда она убрала руку.

В глубоких озерах ее глаз плескалась мутная тоска вкупе с настороженностью. Миону изводило ощущение, что она забыла что-то очень важное, необходимое. Иногда она замирала на месте, упершись взглядом в пустоту и боясь шелохнуться, стоило только ей зацепиться памятью за какой-то звук или чей – то жест, показавшийся знакомым. Но, лишь только сердце вздрагивало в ожидании того, что звенья памяти, наконец, соберутся воедино, и она поймет, что же ею забыто, тотчас тонкая цепочка, едва вильнув хвостом, вновь рассыпалась. И тогда Миона, смахнув наваждение, продолжала жить дальше.

А еще Соло не узнал, что однажды ночью, когда уж жиз-

ненный срок Мионы подошел к концу, ей приснился кареглазый юноша со странным именем. Проснувшись, она села в кровати и вновь воззрилась в пустоту. На сей раз память сжалась над ней. Последним словом, произнесенным уже очень старой женщиной, стало:

– Соло!

А у него теперь была совсем другая жизнь. По велению «господина плаща» он вытаскивал на белый свет, а затем активно культивировал все самые гадкие и подлые качества человеческой натуры, глумясь над особо восприимчивыми и легко поддающимися жертвами.

Также в его обязанности входило развращение девственниц, разлад семейных отношений, доведение до суицида и прочие мелкие пакости. Некоторые из подопечных Соло, обладающие хорошими внешними данными или имеющие интересные способности, начинали, как и он когда—то, служить его хозяину.

Ничего более не радовало и не огорчало молодого человека. Он не испытывал ни раскаяния, ни жалости, ни удовлетворения.

Единственное, что доставляло ему удовольствие – это возможность, преодолевая земное притяжение, уносить свое тело высоко в небо, не чувствуя ни холода, ни упрямого сопротивления встречных потоков воздуха. Лишь там, над землей, он был абсолютно счастлив, наслаждаясь мнимой свободой, до того момента, пока вновь не приходилось спускаться

ся на потаенный участок голубой планеты, в недра которой глубоко врос огромный замок его господина.

Давно выполнив указанную работу, Соло, томимый бездельем, двигался в направлении беседки, густо увитой плющом. Острая изумрудная трава норовила проткнуть ступни, и парень лениво переставлял ноги по воздуху, а потому, старый демон, находящийся в беседке, не сразу заметил его появление.

– Приветствую! – громко сказал Соло, обращаясь к демонической спине. Старик вздрогнул, и с шахматной доски, которую он держал в руках, упало несколько фигурок. Демон ощерился, наставив на парня хищные зубы, но, признав своего, растянул губы в улыбке:

– И я тебя приветствую. Вот что делается, а! Не почуял тебя сразу. Ты уж ему не говори, что я тебя проворонил, того и гляди, спишет меня куда пониже, а там уж больно жарко.

Старик шумно вздохнул и ссутулил огромные плечи.

– Ладно, не скажу, – Соло смотрел на пол, на фигурку белой королевы, подкатившейся прямо к носку его ботинка. – А где Сам?

– Так нету. Вишь, дела у него. Новую партию разыгрывает. – Доверительно сообщил демон, кряхтя наклоняясь за рассыпавшимися шахматами. Соло последовал его примеру и взял королеву в руки. Лицо, вырезанное на белой кости, показалось ему знакомым.

– И кто же это? – спросил он больше у себя, чем у себе-

седника.

– А почему я знаю, девка какая-то. Понравилась штоль?

– Интересное лицо. Откуда она?

Забирая фигурку из рук парня, демон хитро подмигнул выпученным глазом:

– А ты точно ему не скажешь, что я тебя проворонил?

– Да что б мне на столбе оказаться, если совру.

– Ну, гляди.

В воздухе зависла голограмма глобуса.

Во где, – корявым пальцем старик проткнул земной шар.

Время стремительно летит вперед, сея вокруг себя перемены. Социалистический строй в России почил безвременно, уступив место анархии под псевдонимом «Демократия».

Бывшие «братки» и «зеки» меняли статус, занимая ведущие посты и прикрываясь мандатами как щитами. Границы наркотического рынка расширились, и перед бизнесменом Котовым встала острая необходимость закрепить свои позиции.

– Тебе следует поработать над пилюлями. – Говорил он Виктору. – Сейчас такие таблеточки тоннами продают. Нам нужен постоянный клиент. Чтоб на другие штучки не кидался. Можешь добавить туда нечто, что вызовет привыкание с первого приема?

Недолго подумав, Виктор сказал:

– В принципе, все возможно. Но это опасно. Химикаты, активизирующие зависимость, могут выявить побочные явления.

– Какие, например?

– Ну, по истечении основного действия препарата может проявиться гипер-возбудимость, агрессия, или апатия. Да много чего, я пока не могу сказать точно.

– Не страшно. Народ сейчас и без твоих таблеток агрес-

сивный. И не известно, что будет, если наше место займут другие. Ты думаешь, героин – это безопаснее, чем твоя «Заря»?

– Витя, ты посмотри вокруг, идет естественный отбор. Выживают сильнейшие. – Леонид похлопал приятеля по плечу. – Делай. Мне, например, совершенно безразлично, что станет с теми придурками, что грызут твои пилюли. Те, у кого есть мозги, не суют в рот всякую гадость.

Леонид Котов на 100% был уверен в своей правоте. Ему с юношеских лет пришлось вращаться в кругу наркодельцов и их клиентов.

Своего отца Леня помнил лет до 12. Он работал мебельщиком на фабрике как раз в том городке, где будут разворачиваться последующие события, а мать – продавщицей в булочной. В одно прекрасное утро отец собрался и уехал на Север, за длинным рублем, а мать, разозлившись, принялась за устройство личной жизни. Этот процесс затянул ее настолько, что она стала забывать о существовании сына. Мальчишка иной раз целыми днями ходил голодный, а от вида его «зимней одежды» можно было замерзнуть на месте. Не желая голодать и мерзнуть, Ленька взялся воровать. Промышлял в основном в огородах частников. Тянул всё что мог, от яблок с картошкой до цветных металлов, если какой глупый домовладелец умудрялся выставить таковые на всеобщее обозрение. Медь, алюминий, фрукты, овощи Ленька отвозил на первой электричке в Москву и там прода-

вал. Иной раз его ловили и били, но не сильно, жалели пацана. А соответственно, Ленька не прекращал своих набегов. Дальнейшая участь уже 15-летнего мальчишки была бы предreshена, если б не случай.

Пронырливый подросток приглянулся одному торгашу наркотой, и тот привел его к хозяину, порекомендовав Леньку, как перспективного дилера. Леонид никогда бы не стал бизнесменом Котовым, если б не обладал сильной волей и твердым характером. Ему не раз предлагали попробовать то, чем он торгует, уверяя в абсолютной безопасности и расписывая степень получаемого кайфа. Но к Лёningому счастью, он насмотрелся на людей, которые снимали с себя последние штаны лишь бы получить дозу. И на тех, кто ради дозы мог убить, тоже смотреть приходилось.

«Быдло», так называл их Лёнькин хозяин, стадо, которым легко управлять. Для подпольного бизнеса такие люди потребны. Их можно использовать по необходимости и тут же списать за ненадобностью. Стать на одну ступеньку с ними Леонид не хотел, а потому брыкался, барахтался и цеплялся за жизнь, лелея и вынашивая планы, которые помогут организовать его благополучное будущее. Когда человек четко знает, чего хочет, он, рано или поздно, получает желаемое. Усилия Леонида были очень скоро вознаграждены. Хозяин, не имеющий детей, и, безусловно доверяющий молодому, но очень толковому парню, на склоне своих лет передал ему бразды правления. Надо отметить, что Котов умел

был благодарным. Он не предал старика и ни разу не дал ему повода пожалеть о принятом решении.

Расширяя свои владения, Леонид поехал во Владимир, где и познакомился с Виктором Григорьевичем. Параллельно занимаясь легальным бизнесом (сеть продовольственных магазинов), он закрепился на местном наркотическом рынке, а чуть погодя ввел в обиход и изобретение Виктора под «кодовым названием „Заря“».

И только через 18 лет, после того как покинул город, Леонид вернулся в «родные пенаты». Котов так и не решил для себя, что сподвигло его на возвращение – проснувшаяся сентиментальность или желание отомстить городу за безразличие, с каким его жители взирали на его, Ленки Котова, рискованное детство. Сколько еще, таких как он, пацанов, бесприютно слоняются по улицам этого тихого городка? И как долго люди будут оставаться безучастными к их судьбам?

Леонид вернулся и реконструировал фабрику, на которой когда-то работал отец. От матери же остался покосившийся домик, да холмик на погосте. Посоветовавшись со своим внутренним голосом, Котов решил, что Виктор Григорич и его пилюли здесь просто необходимы, дабы местные жители в полной мере смогли осознать, что такое счастье.

После того, как Виктор Осипов усовершенствовал «Зарю», он заскучал. Его дочь выросла, вышла замуж за шведа, и уехала из отчего дома. Тома стала управляющим частного банка и теперь лично руководила финансовыми делами

Виктора. Истинный источник денежной реки ей не был известен, она считала, что доходы приносят внеплановые операции, но расценки на эти операции немало удивляли.

У Виктора Григорьевича появилось много свободного времени. Теперь, когда вместо него в лаборатории работали наемники, вечера оказались свободными, но ехать домой Виктор не мог, не хотелось объяснять поступление денег при отсутствии левой работы, да и желания сидеть дома и вести беседы с супругой давно не было. Однообразная жизнь, даже в шикарной квартире, купленной совсем недавно, немного надоела. Конечно, Виктор мог бы скрывать доходы от жены, но денег наличкой он никогда не получал, они поступали только на его счет, и теперь менять налаженный механизм он попросту ленился.

Виктор мечтал о новых ощущениях, эмоциях, снова стал вспоминать Валерию и даже подумывал о ее поисках. Как-то дошли до него слухи, что жизнь ее не сложилась.

Виктор представлял, как он подкатит к ее подъезду на роскошном автомобиле, как легко и грациозно подойдет к Валерии, кутающейся в старенькое дешевенькое пальтишко, и как скажет ей: «Ну, что, теперь ты видишь, как ошиблась тогда...»

– Простите, у вас свободно?

Виктор огляделся. Он сидел в ночном баре «У Золотых ворот» и пил водку, а вокруг него сновали веселые, хмельные люди. Не дождавшись ответа на свой вопрос, к Викто-

ру за столик подсела совсем еще юная девушка. Хмуро озираясь по сторонам, она достала из сумочки тонкую сигарету и закурила. Пьяному Виктору она показалась Валерией.

– А ты как здесь оказалась?

– Как все, ногами пришла. А что, дяденька, у вас есть возражения?

Виктор мотнул головой:

– Нет у меня возражений, только я не дяденька.

Девушка посмотрела на Виктора и скептически задрала бровь:

– Да? А кто же вы?

– Витенька.

Мужчина был пьяненький, смешной и симпатичный, и девушка, засмеявшись, протянула ему руку:

– Ну что ж, будем знакомы. Леночка.

Знакомство с Леночкой вернуло Виктору молодость. Такая свежая, красивая и молодая студентка педагогического института, заполнила своей жизнерадостностью все его пустое время, а думы о новой встрече с нею напрочь изгнали меланхолию, поселившуюся в Витиной душе.

Ее родители боготворили дочку, особенно отец – настоящий русский мужик, с пшеничной бородой, квадратной фигурой и огромными ручищами, которыми творил удивительной красоты вещи. Лена с родителями жила в Коврове, небольшом городке, недалеко от Владимира, но в определенных кругах Станислава Волкова, отца Лены, знали и ценили как в самом Владимире, так и далеко за его пределами. Он занимался лаковой миниатюрой, реставрировал церкви, писал иконы и даже выбивал надписи на надгробных плитах, короче, работал день и ночь, чтобы обеспечить своих любимых женщин всем для них необходимым. Лена никогда не злоупотребляла отцовской щедростью и не требовала мехов с брильянтами, топая ножкой, но была у нее мечта, которую отец, упершись, не желал осуществлять. Леночка хотела машину. Свою собственную, чтоб сидеть на месте водителя, выжимать сцепление и нажимать педаль газа. Она обожала скорость! Ею овладевал восторг, когда за окном мелькали деревья, будто смазанные кистью, и ветер бился в стек-

ло, словно желая прорваться в салон. Отец оставался непреклонен.

– Получишь машину, когда повзрослеешь и поймешь одну простую вещь – тише едешь, дальше будешь. Я не желаю соскребать тебя с асфальта.

Лена дулась и объявляла голодовку, но надолго ее не хватало, и отец вздыхал с облегчением:

– Ничего, вот закончит институт, начнет работать, выйдет замуж, а там уж пусть муж отговаривает. Нельзя ее за руль пускать. Что мать, правильно мыслю?

Мама Лены согласно кивала, гладила мягкую мужнину бороду и чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете, которой неведом был страх ни за будущее своей дочери, ни за свое собственное.

Стечение обстоятельств, вездесущий случай свел в тот вечер Лену и Виктора. Парень, с которым она на тот момент времени дружила, не пришел, и Виктор заполучил ее в свое личное пользование.

С ним было интересно. Он увлек ее рассказами, изложенными в безупречной форме. Лена являлась поклонницей красоты. Она искала ее во всем: в природе, в музыке, в людях, в речи. Ее несколько раздражали молодые люди, живущие с ней в одном общежитии и учащиеся в одном институте, которые обильно сдабривали свои повествования матерными словами, в случаях же, когда их нельзя было проносить, долго тянули э-э-э-э и вращали глазами, пытаясь

обнаружить в мозгу достойную альтернативу. Виктор говорил как по писанному. Его слова строили безукоризненные предложения, не лишённые юмора. Когда Леночка упомянула о неумении молодых людей четко и красиво излагать свои мысли, Виктор охотно ее поддержал:

— К сожалению, ты абсолютно права. Люди сейчас мало читают. Оттого произносимые фразы звучат нелепо. Например, в магазине, продавщица меня просит «Посмотрите, пожалуйста, у себя мелочь», на что я ей отвечаю — «А зачем мне на нее смотреть? Я ее уже видел». Как она на меня взглянула! Только обматерить постеснялась. Но это пустяки, по сравнению с тем, какое объявление я прочел на афише в кинотеатре «Аврора»: «25 сентября состоится выставка-продажа молодых художников. Администрация». Каково?

Да, Виктор обладал массой достоинств, но самым решающим фактором для продолжения знакомства стало отнюдь не обсуждение прочитанной классики, а бескорыстное предложение Виктора обучить Леночку вождению, едва только он узнал о ее заветной мечте.

Они регулярно встречались и с толком проводили время, но их отношения продолжали оставаться дружескими. Между тем, желание обладать девушкой всецело захватило Виктора. Когда она находилась рядом, сердце его бешено молотилось о грудную клетку, а руки мелко подрагивали. Кстати вспомнился лис из «Маленького принца». Приручать надо постепенно и Виктор Осипов предпочел не торопиться, и по-

тому не заметил, как платонические отношения достигли критической отметки, после которой переход в иную стадию уже невозможен. Леночка стала скучать, отменять встречи, пропускать их без предупреждения, а когда он, не выдержав напряжения, поцеловал ее, шарахнулась в сторону, удивившись несказанно:

– Витя, вы замечательный человек и с вами очень интересно, но когда я смотрю на вас, я вспоминаю своего отца. Кроме того, вы женаты, а это... некрасиво.

Отказаться от Леночки, не познав новых, свежих ощущений, когда желанная цель уже так близка, Виктор не мог. Он плохо спал и мало ел. «Вот опять, – думал он, – опять женщина, которую я хочу, отвергает меня. Но на этот раз я не позволю ей. Хватит. На этот раз – я хозяин положения».

Он снял деревянный домик на окраине города, проследив за тем, чтоб по близости не оказалось любопытных соседей. Купил фруктов, шоколад, вино, приготовил розовый порошок и позвонил Лене.

– Леночка, прости, что надоедаю, но это в последний раз. Сегодня в общем-то знаменательная дата, полгода со дня нашей первой встречи. Уважь старика, давай отметим.

– Витя, не такая уж это знаменательная дата, чтоб ради нее выходить на мороз. Посмотрите, какая выюга, да и поздно уже.

– Для кого как, Леночка, для кого как. А замерзнуть ты не успеешь, я заеду за тобой на машине. Я не задержу надол-

го, как только ты пожелаешь – отвезу обратно. Пожалуйста. Мне сегодня так... одиноко.

Голос его звучал столь печально, что Лена не смогла проявить твердость и согласилась.

В снятом Виктором доме стоял накрытый стол, горели свечи и уютно потрескивали дрова в печи. Виктор галантно ухаживал за девушкой, не переставая оживленно болтать, Леночка расслабилась и не заметила, как в ее бокал с красным вином попал порошок. Все окружающие ее предметы стали вдруг необычайно милы и привлекательны. Герань на подоконнике сладко пахла лилией, половик на полу казался шелковым ковром, а сам Виктор – прекрасным принцем из сказки. Глядя на него Леночка не понимала, как раньше не замечала удивительных глаз, в которых можно утонуть. Широкой, вкусно пахнущей груди, к которой тянуло прильнуть и замереть в сладкой истоме. Рук, от прикосновения которых пылает кожа и замирает сердце.

Это была восхитительная ночь. Виктор плавал в море блаженства, смакуя каждую минуту, упиваясь каждым поцелуем.

К утру действие наркотика прошло, но каждой клеточкой своего тела Лена приняла любовь, подаренную ей Виктором. Он оказался не просто замечательным партнером по сексу, он был виртуозом своего дела.

Расставаясь на остановке у общежития, Виктор спросил:
– Мы еще встретимся?

На что Лена ответила:

– Витя, ты теперь обречен на постоянные встречи.

Тогда это заявление Леночки очень его порадовало.

Зима передала эстафету весне, а та пролетела как одно мгновение. Виктор, для подстраховки, продолжал потчевать Лену «Зарей». Понемногу, грамм за граммом, но регулярно, при каждой встрече. Лена самозабвенно любила ставшего единственным и неповторимым мужчину. После неистовых ласк она крепко прижималась к нему всем телом и блаженно замирала.

– У меня такое впечатление, что ты хочешь меня в себя втиснуть. – Как-то заметил Виктор, самодовольно улыбаясь, – Только при всем желании не смогу влезть в тебя полностью, я все ж таки, несколько великоват.

– А ты не заметил, что уже влез? Весь, полностью.

Виктор отстранился и посмотрел на Лену:

– Это куда же я поместился?

– Как куда? В душу, конечно.

Глаза мужчины от умиления наполнились влагой. Он провел ладонью по ее щеке и сказал:

– Раз влез, теперь главное не натоптать.

– Да, ты уж постарайся.

Привязанность Лены к Виктору шла по нарастающей, у него же – с точностью наоборот.

Любовные скачки стали утомлять, и Тамара проявляла недовольство по поводу его частого переутомления и неспо-

способности исполнить супружеский долг. Лена же все настойчивей и чаще требовала встреч. Кровь ее уже была отравлена, мозг заражен, она стала вспыльчивой и раздражительной, часто реакция ее на какое-либо действие просто поражала.

Виктор осознавал свою вину и проявлял терпение. Он перестал давать ей таблетки, но вскоре понял, что уже слишком поздно. Ее настроение мгновенно менялось от умиротворенного спокойствия до резких припадков ярости. Девушка измотала Виктора.

На июль чета Осиповых запланировала поездку к дочери в Швецию. Узнав об этом, Лена закатила очередную истерику, но Виктор был к этому готов.

– Леночка, послушай меня. Я не могу поступить иначе. Там моя дочь и я очень хочу ее увидеть, это желание понятно и естественно. Да и тебе не мешало бы пожить у родителей, ты стала редко навещать их, а это не может не вызывать их беспокойства. Ты отдохнешь, подлечишь нервы, я дам тебе замечательный препарат.

Он положил перед Леной пластиковую баночку с наклеенной бумажной полоской «успокоительное».

– Употреблять не чаще одного раза в день. Это важно. Желательно никому не показывать, это средство еще не получило одобрения Минздрава, но я за него ручаюсь. Это понятно?

– Я сделаю, как ты скажешь. Ты скоро вернешься?

– Милая, надо подождать только месяц. Один месяц, и я

снова буду с тобой. Ну, выдержишься?

– Я постараюсь, – всхлипывая ответила Леночка.

– Вот и славно. Все будет хорошо, милая, дорогая моя девочка. Все наладится, – приговаривал Виктор, вытирая слезы с ее щек, и совершенно не веря в то, что говорил.

Поиск девушки, похожей на шахматную королеву, не занял у Соло много времени. Имея способность прощупывать людей, наподобие рентгеновского аппарата, он очень быстро и четко делал выводы по поводу того, что конкретно представляет собой данный индивидуум. Соло бродил по дому Анжелики, наблюдал за ней, намеренно пугал, и вскоре получил полное представление о ее натуре.

Анжелика удивляла его своей душевной чистотой. По роду деятельности ему приходилось общаться с людьми с червоточинкой, а в Лике он ее не находил, как ни пытался. Кроме того, эта девушка казалась ему хорошо знакомой, даже близкой, только откуда бы взяться этому ощущению?

Когда она проделывала манипуляции над человеком с переломами, Соло убедился, что девушка не без способностей и что оставлять ее без присмотра опасно для нее же.

Тогда он решился заговорить с ней. Возможность такого общения радовала его, все более сближала, но так и не давала ответа на вопрос: «Откуда я ее знаю?»

Однако, стоило ему увидеть сцену с поцелуями у подъезда, его пронзило болезненное чувство обиды, собственной ненужности и одиночества, как тогда, когда он в последний раз смотрел на Миону. В ту минуту она улыбалась чужому мужчине. Это чувство обожгло его так сильно, что он поспе-

шил стереть его из памяти, выдернуть с корнем. Но в этот вечер оно вернулось к нему снова. Окаменевшее сердце Соло кольнула тревога. Да что это такое?

Кто эта девчонка, черт возьми! Какое мне дело, с кем она...

Соло, продолжавшего наблюдать за тем, как Алексей охмуряет Лику, вдруг как током прошибло. Он узнал девушку. Он видел ее тысячи раз во сне, только проснувшись запрещал себе вспоминать. Эта девушка из его прошлой жизни, из его снов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.